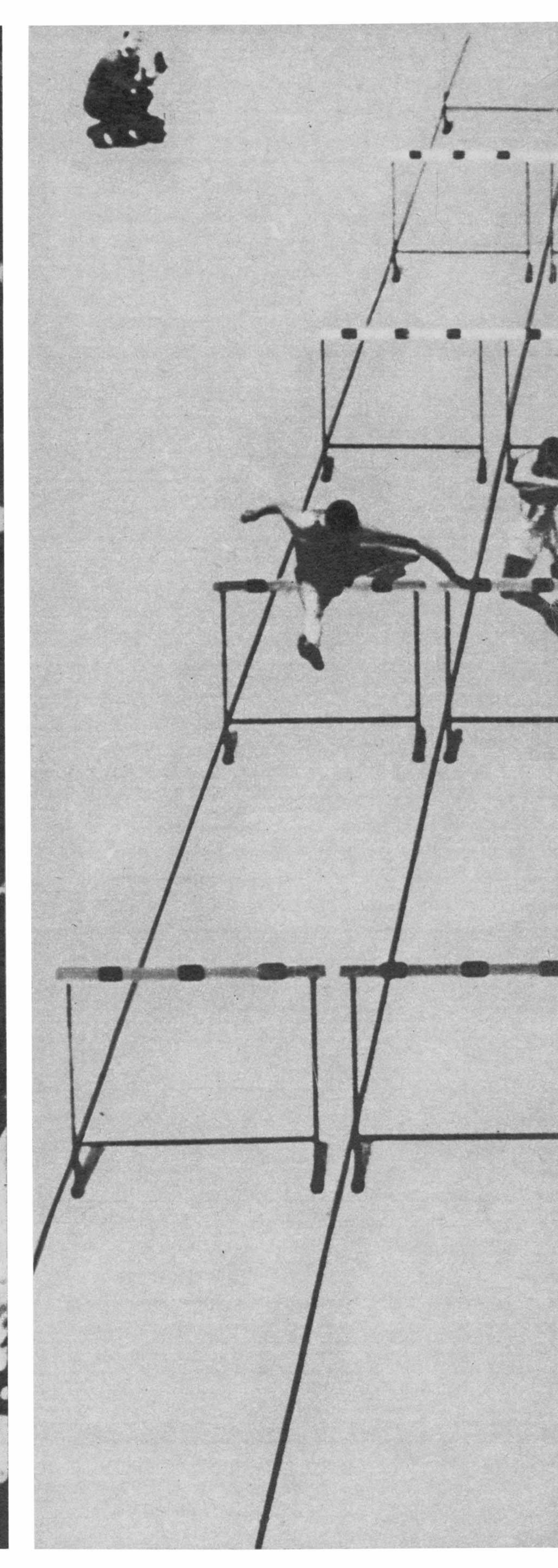

ОГОНЁК
№ 33 АВГУСТ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

В. Швеммер. Атака.

Основан
1 апреля 1923 года

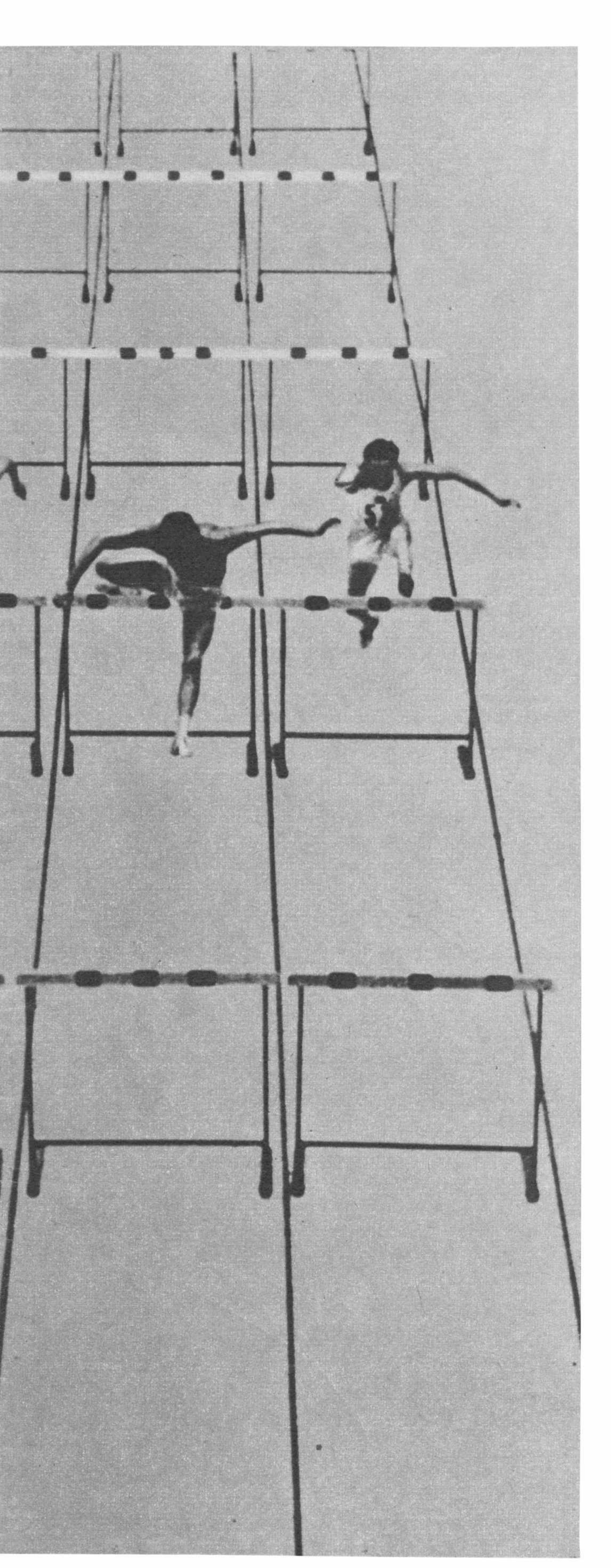
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 33 (2302)

14 АВГУСТА 1971

СЕГОДНЯ ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ ФИЗКУЛЬТУРНИКА

В. Ун-Да-син. Барьерный бег.

Б. Светланов. Чемпионка мира Л. Турищева.

Ю. Шаламов. Трудная победа.

В этот день, знаменательный для всех физкультурников и любителей спорта, в гостях у «Огонька» участники V Всесоюзной выставки художественной фотографии «Физкультура и спорт в СССР», посвященной V Спартакиаде народов СССР.

Выставка, собравшая триста лучших работ фотомастеров и фотолюбителей Советского Союза и социалистических стран, открылась в первые дни Спартакиады, и теперь, когда это крупнейшее состязание, не уступающее по своему размаху Олимпийским играм, завершено, многие из участников выставки могли бы, наверное, представить новые интересные снимки. Но разве и те фотопроизведения, которые собраны в Манеже (многие из них отмечены наградами на международных фестивалях фотоискусства), не раскрывают нам с удивительной зоркостью и силой живой, динамичный мир спорта?

Только с помощью фотообъектива можем мы увидеть всю красоту отточенных, стремительных движений человека. В работах фотомастеров Б. Светланова, В. Ун-Да-сина, В. Швеммера запечатлена красота движений тела, а в фотографии Ю. Шаламова — красота движения души.

В нашей стране, где физической культуре уделяется столько внимания, любовь к ней пробуждается еще в младенческие годы (смотри фотографию С. Лидова на 3-й странице обложки).

СЭВ: ПРОГРАММА СОЗИДАНИЯ

Николай ПАСТУХОВ

Опубликованная в Советском Союзе и других странах — членах СЭВ Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции сейчас детально изучается во всем мире. В многочисленных откликах мировой печати лейтмотивом проходит мысль: Комплексная программа является документом большого исторического значения.

Этот интерес к новой творческой программе СЭВ вполне закономерен. Прогрессивное человечество видит в контурах программы прообраз будущих экономических отношений, которые станут преобладающими на нашей планете. Политики и идеологи империализма пытаются найти «щели» в Комплексной программе, умалить ее значение. Особую тревогу у этих «деятелей» вызывает проблема темпов экономического развития. Хотя они об этом не пишут, но прекрасно понимают тот факт, что устойчивые темпы хозяйственного роста стран СЭВ и бескризисное развитие их экономики в самое ближайшее время еще более укрепят мощную материально-техническую базу социализма и коммунизма, дадут возможность социалистическому содружеству одержать решающую победу в экономическом соревновании с капитализмом. Статистические данные убедительно свидетельствуют, что за последние два десятилетия среднегодовые темпы роста промышленного производства в социалистических странах примерно в два раза превосходили соответствующие показатели капиталистических стран. Идеологам империализма есть о чем подумать, если принять во внимание валютно-финансовые и экономические потрясения, которые раздирают ведущие буржуазные страны.

Но в США есть экономисты, которые мыслят реальными категориями. К их числу принадлежит Р. Данн, который пишет, что «в Советском Союзе предусмотрено увеличение реального дохода на душу населения за пять лет на 30 процентов. В США даже те, кто смотрит на действительность сквозь розовые очки, не могут представить себе такой перспективы для американцев».

Комплексная программа проникнута духом социалистического интернационализма. Выступая в ноябре 1970 года на X съезде ВСРП в Будапеште, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отметил, что у социалистических государств есть прекрасное средство, помогающее ускорить их развитие,— это «взаимоподдержка, взаимопомощь, практика социалистического интернационализма, когда успех каждой социалистической страны является достоянием всех, а достижения всех принадлежат каждому члену семьи социалистических государств». И далее он подчеркнул: «Можно с полным основанием сказать, что вопросы повышения эффективности сотрудничества стран социализма в последние годы находились в центре внимания братских партий...

Ключевой вопрос, на решение которого сегодня направлены наши активные совместные усилия,— это развитие социалистической экономической интеграции. Экономическая интеграция при активном использовании достижений научно-технического прогресса — это наш общий курс, и мы уверены, что он приведет социалистические страны к новым победам, еще более упрочит позиции мирового социализма в мировой экономике».

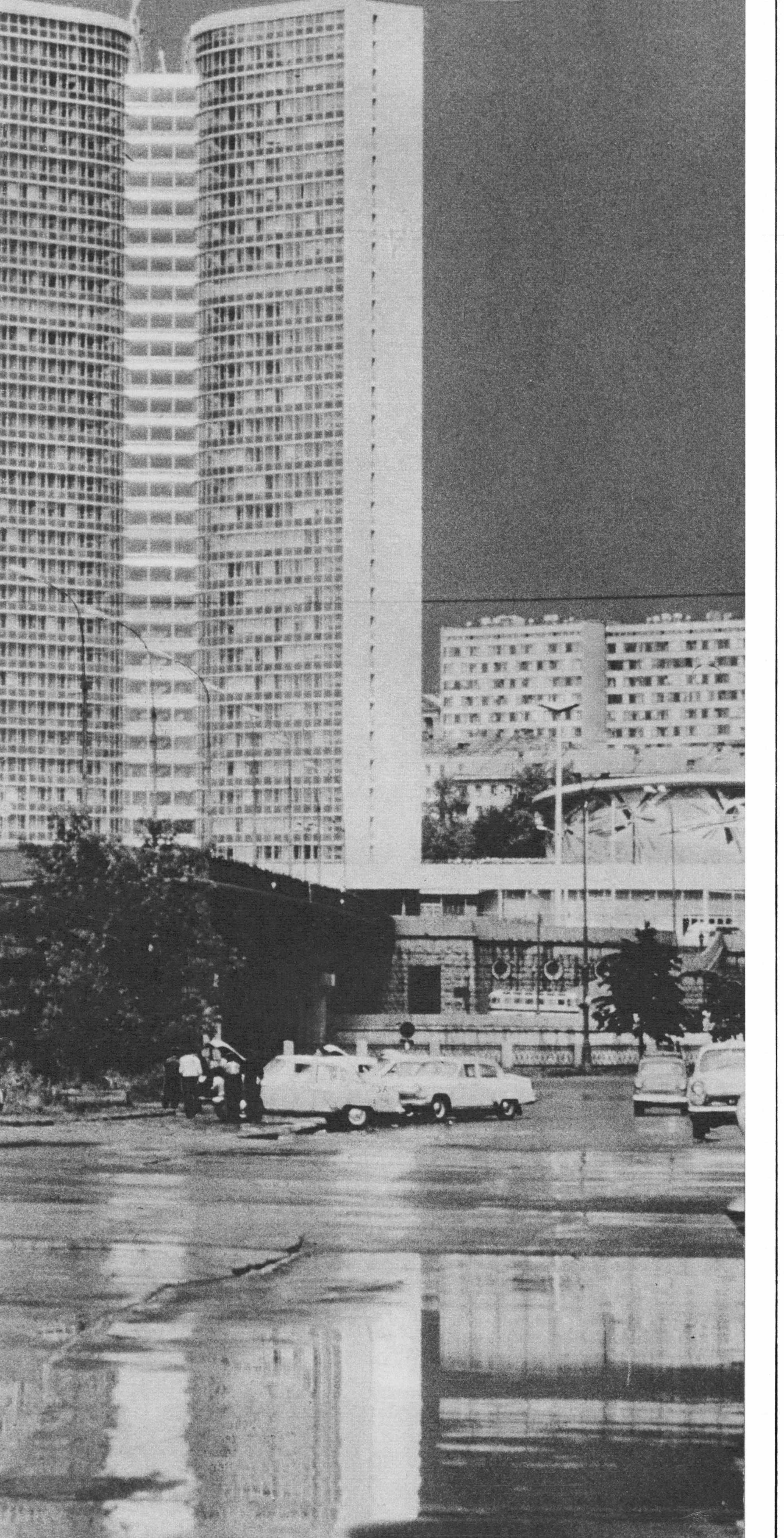
И вот, читая сейчас текст Комплексной программы, можно увидеть, как в ней блестяще претворены эти мысли, какие приданы им конкретные практические направления. Комплексный характер программы заключается не только в том, что она охватывает все стороны хозяйственной деятельности, все отрасли экономики. Особое внимание обращено на координацию усилий братских стран на всех этапах материального производства — от сотрудничества в разработке прогнозов, через согласование планов и организацию совместных научно-технических изысканий до кооперации, специализации производства и сбыта продукции. Основным методом организации международного социалистического разделения труда и впредь будет координация перспективных и пятилетних народнохозяйственных планов, включая совместное планирование развития целых отраслей экономики. Укрепится и усилится роль коллективной валюты (переводного рубля), и она станет в полной мере выполнять основные функции международной социалистической валюты стран — членов СЭВ. В Комплексной программе выражено единство взглядов всех стран — членов СЭВ на цели и главные направления социалистической экономической интеграции. Политбюро ЦК КПСС и Совет Министров СССР одобрили деятельность советской делегации на XXV сессии СЭВ и считают Комплексную программу документом большого политического значения.

Братские страны единодушно и горячо одобрили эту творческую программу коллективного созидания. «Разработан документ огромного исторического значения, оказывающий влияние на ход мировой истории и ускоряющий прогресс всего человечества»,— так оценивают Комплексную программу польские газеты. «Болгарские коммунисты, трудящиеся нашей страны,— пишет «Работническо дело»,— приложат все силы для претворения в жизнь Комплексной программы. В этом — наш патриотический и интернациональный долг». Решения XXV сессии СЭВ, указывает монгольская газета «Унэн», открывают перед МНР широкую перспективу дальнейшего сотрудничества со странами СЭВ.

Жизнь убедительно доказывает, что СЭВ превратился в авторитетную и действенную международную организацию социалистических стран. Ее опыт тщательно изучается в мире, а ее практические действия вселяют человечеству веру в неодолимость прогресса и прочного становления всеобщего мира.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Здание СЭВ в Москве. Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

ОРЕНБУРГСКИЙ КАРАВАЙ

Г. КОПОСОВ
Фото автора.

...Еще с зари до зари сухой воздух наполнен стрекотом комбайнов. Машины свозят теплое зерно на просушку, к веялкам на тока. Многокилометровыми дорожками бегут лоснящиеся валки скошенного, но пока не подобранного хлеба. Из всего этого и сложится хлеб Оренбуржья, оренбургский каравай.

О масштабах жатвы можно судить по такой детали: от Оренбурга до совхоза имени Магнитостроя, Ташлинского района, летели мы около часа. И всюду поля, комбайны, шлейфы желтой пыли за ними, золотые строчки валков.

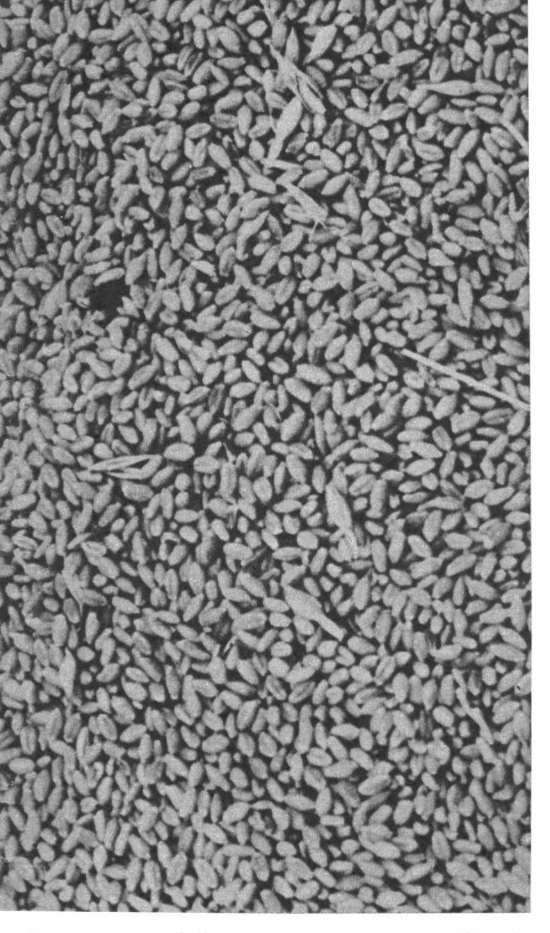
...Мы остановились во втором отделении совхоза. Переваливаясь по стерне и кочкам, к комбайнам спешил «Москвич». Из машины вышла осанистая женщина. Мы познакомились. Анастасия Тимофеевна Петрукович — управляющая отделением. Человек она на Оренбуржье видный, Герой Социалистического Труда. Заведующая отделением рассказывала нам о героях жатвы, о том, как самоотверженно трудятся люди и как заботятся о них на Оренбуржье: налаживают быт во время страды, привозят обеды — вкусные, питательные, горячие — прямо в поле, к рабочим местам комбайнеров...

Конечно, разговор здесь шел не о миске супа, а об уважении к работникам, о внимании, о человеческом тепле.

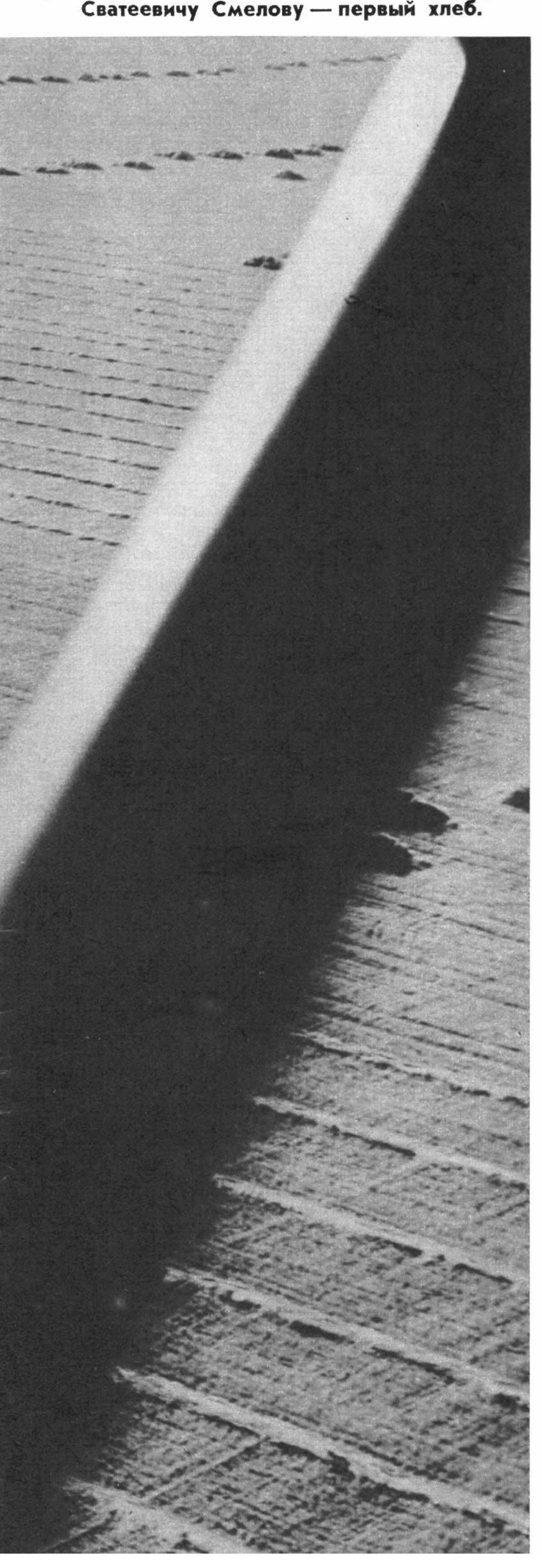
Полтора плана обещали дать Родине труженики совхоза, это 250 тысяч центнеров зерна. Собрать такую массу зерна, доставить его на тока, на приемные пункты оренбуржцам помогают ленинградцы. Сотня их машин вот уже третий год обслуживает совхоз. И все равно работы хватает всем. Растет оренбургский каравай...

Галя Лукьянова из поселка Зерновой.

Хлеба, хлеба...

Лучшему комбайнеру дня коммунисту Сергею Сватеевичу Смелову — первый хлеб.

Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и министр иностранных дел Индии Сваран Сингх (справа) подписывают Договор о мире, дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Индией.

Телефото ТАСС.

КУРС НА СОТРУДНИЧЕСТВО И ДРУЖБУ

Важнейшей вехой в развитии отношений между Советским Союзом и Индией явился Договор о мире, дружбе и сотрудничестве между этими странами, подписанный 9 августа в Дели. Договор подписали министры иностранных дел А. А. Громыко и Сваран Сингх.

«Наши отношения,— заявил А. А. Громыко,— основываются на взаимном доверии, равноправии, уважении, невмешательстве во внутренние дела друг друга. Заключение советско-индийского договора подводит под эти отношения еще более крепкую политическую и правовую базу».

«Этот договор отражает цели, которые преследует наша дружба, а именно: мир, сотрудничество и развитие широких двусторонних отношений во всех областях»,— сказал министр иностранных дел Индии Сваран Сингх.

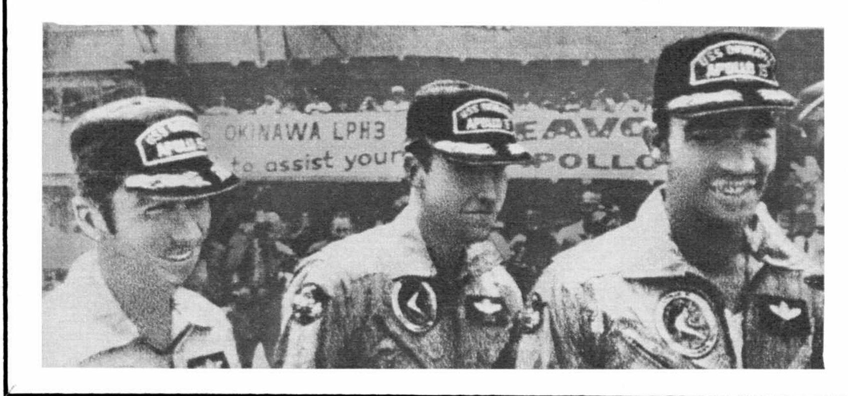
«АПОЛЛОН-15» ДОМА

7 августа в Тихом океане совершил посадку американский космический корабль «Аполлон-15». Его экипаж — Джеймс Ирвин, Альфред Уорден и Дэвид Скотт — был доставлен на борт крейсера «Окинава», где и сделан этот снимок.

По просьбе «Огонька» специальный корреспондент АПН в Нью-Йорке Генрих Боровик рассказал об одном из этапов полета «Аполлона-15».

Оставив на Луне шасси от лунного модуля и луноход, на котором была совершена 28-километровая поездка по поверхности естественного спутника Земли, космонавты Дэвид Скотт и Джеймс Ирвин поднялись на «Фалконе», чтобы вновь соединиться на космическом корабле с третьим членом экипажа «Аполлона-15», Альфредом Уорденом.

Впервые был показан по телевидению взлет лунного модуля с поверхности Луны. Репортаж «вела» телевизионная камера, установленная на луноходе и направленная на место взлета. Поднялось небольшое облако лунной пыли, и на поверхности Луны остались лишь металлические свидетельства последнего посещения ее людьми...

Передвижения Скотта и Ирвина на луноходе и время их пребывания вне лунного модуля были по приказу с Земли сокращены против первоначального плана. Это вызвано некоторыми неполадками в работе оборудования. В частности, во время сна космонавтов в контрольном секторе в Хьюстоне приборы показали падение давления в кабине. Видимо, произошла утечка кислорода. Скотта и Ирвина немедленно разбудили и сообщили об этом. Космонавты обнаружили причину утечки и устранили ее. Но за это время было потеряно около 9 фунтов кислорода, что свело запас его в модуле до небезопасного минимума.

Когда произошла стыковка «Фалкона» с космическим кораблем «Эндевор», Ирвин произнес с облегчением: «Хорошо сработано, «Эндевор»! Очень приятно быть снова на борту...» На что Уорден, проведший в одиночестве на лунной орбите около трех суток, с не меньшей радостью ответил: «Добро пожаловать домой...»

Нью-Йорк. По телефону.
Телефото АП—ТАСС.

Галина КУЛИКОВСКАЯ

В год великой Победы на улице, ведущей к Мамаеву кургану — собственно, тогда этой Ладожской улицы еще и не было, а за железнодорожным полотном ласточкиными гнездами лепились к взгорью землянки и мазанки,—родилась девочка. Сталинградский шофер Мариненко назвал свою дочь Любой, Любовью Васильевной. И радовался он тому, что над выстраданной, искореженной, но непокоренной его землей занялась долгожданная заря, заря возрождения.

Девочка, конечно, не запомнила первых лет своей жизни. Они в преждевременных морщинах на лице матери: «На простых щах росло дитё. Сажали капусту. Жили в низа̀х». Так называют волжане подвал с оконцем, ушедшим в землю. Теперь у них там кухня с газом, а сами перебрались на верхи, в достроенные бельэтажем жилые комнаты. На Ладожской и на других улицах, возникавших на пепелищах, почти все домики такие крохотные, в полтора этажа,— горькая дань тому тяжкому времени, когда людям негде было жить. Но жить надо было, чтобы поднимать и заново строить город. Василий Мариненко тоже строил. С утра до ночи развозил на своем грузовике доски, кирпич, цемент, камень. Тогда все сталинградцы были строителями по своей доброй воле, и Любина мать, отстояв смену за прилавком в булочной, тоже уходила разбирать завалы. Город вставал из пепла, преображался на глазах. И он, город, и девочка росли вместе, были, как брат с сестрой: погодки.

Засобиралась Люба в школу — и будто для нее специально открылась она на ближней улице. На следующий год сбросил с себя леса и гордо сверкнул звездой на шпиле новый вокзал, что неподалеку от Ладожской. Пришла пора Любе ходить в театры — пожалуйста: белоколонный подъезд на площади Павших борцов распахнул, словно для нее, свои двери. Перешла Люба в другую школу в девятый класс (в ее школе было только восемь) — к этому времени взошло яркое светило — новая ГЭС у Волгограда.

Как-то весной Василий Мариненко посадил дочь в кабину и повез ее по плотине над неохватным голубым волжским разливом. На другом берегу в нежно-зеленом мареве распу-

ОЯ ДОРОГА

ПРАВОФЛАНГОВЫЕ ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

скавшихся вязов и пирамидальных тополей пробеливался стенами, прочерчивался стрелами кранов новый город, рожденный электростанцией. Он был как бы продолжением Волгограда. Автострада и полотно будущей электрички, что прокладывались по плотине, соединяли оба города. Не ведала повзрослевшая, превратившаяся из девочки в девушку дочь сталинградского шофера, что незагаданное ее будущее лежит там, на том берегу.

Одиннадцатый «В» 6-й волгоградской школы выходил в жизнь в шестьдесят четвертом. Подруги нацеливались на вузы. Кто в медицинский, кто в педагогический, а Люба — на факультет гражданского строительства. Ей, родившейся среди строек, должность инженера-строителя казалась самой важной и романтичной на земле. И вдруг осечка: то, что происходит с большинством юношей и девушек, поступающих в институты. Другие оказались сильнее, чем она, в математике. Конечно, ей было неприятно, больно. Лариса Терентьева, например, прошла, а она, Люба, нет. Но Люба рассудила здраво: обижаться не на кого, сама виновата. Значит, надо перестраиваться. Надо идти работать. Но куда?

Помог случай, если можно считать случаем объявление, напечатанное в областной газете. Объявление было такое: «Городское профессионально-техническое училище химиков объявляет первый набор... Принимаются юноши и девушки в возрасте... Для окончивших полную среднюю школу срок обучения один год». И внизу адрес: «Город Волжский».

— Мама, смотри, это, наверное, очень интересно — быть специалистом по синтетическому волокну,— загорелась Люба.— У химии большое будущее. Учиться всего год. Мама, как мне быть? А ты, папа, что скажешь?

В семье Мариненко первым правилом было никому не навязывать свое мнение. Захотела старшая дочь, Валентина, стать бухгалтером — ее была на то воля. Работает на хлебозаводе. Довольна. Хочется Любе делать эти самые «капроны» и «эластики» — кто же станет ей перечить?

— Поезжай, дочка, посмотри. Разузнай все как следует,— предложил отец.

— Как тебе нравится, доченька, так и поступай. Главное, чтобы тебе по душе. Если не люба работа, то грузом она на плечах,— поддержала мужа Наталья Васильевна.— Решай сама. Только ездить тебе далеко, через весь город до плотины, и там еще не близкий свет: электричку пока не пустили. Тяжело будет. Подумай.

Ни расстояния, ни трудности, связанные с их преодолением, не остановили и не смутили Любу. Тяжело? Конечно, было тяжело втискиваться в битком набитые автобусы и идти, сбиваясь с дороги, в бураны, когда стоят трамваи и автобусы, а вездеходы прокладывают колею, тут же заносимую свистящим снежным вихрем. Потом пустили электричку, и остановка Синтетическая оказалась в нескольких минутах ходьбы от завода «СВ» — синтетического волокна.

Люба, когда работает в первую смену, должна встать в 4.55 утра, тихонько собраться, чтобы не разбудить других: смена начинается в семь.

Одноклассники, изредка встречая ее на улице, удивлялись:

— Вот сумасшедшая! Дался тебе этот завод! Найдешь работу и в Волгограде.

Она только отшучивалась:

— Женихи не отпускают!

А все было, конечно, в самой работе, которая пришлась ей в радость, оказалась единственно подходящей для нее, необходимой.

Люба поняла это, еще когда поехала в группе будущих ткачих, перемотчиц и прядильщиц на практику в Энгельс, на завод искусственного волокна. Ее поразили огромные, светлые цехи; сюда разрешалось входить только в белых халатах и косынках. Но ее цех в Волжском, как только его сдали строители, оказался еще более красивым — свободный, с широкими проходами, радугой пластиковых плиток, которыми был устлан пол. Ее заворожили неутомимые, веселые бегунки, перематывавшие тонкую нить с высоких копсов на изящные шпули. Работа не была ей в тягость, она давалась легко, будто сама шла в руки. В ее красивые руки с чуткими длинными пальцами, точно специально созданными для того, чтобы мгновенно ловить конец нити, если она порвется, и ловко заправлять в бегунок.

И ни один из шестнадцати бегунков, что на машине, не бегал вхолостую, ни одно из шестнадцати веретен не простаивало. А когда пришел опыт, уверенность в своих силах, ей шестнадцати веретен показалось мало: почувствовала, что сможет работать на тридцати двух, обслуживать два станка. Мариненко стала первой многостаночницей на заводе «СВ». Сейчас по ее примеру на двух станках работают десятки девушек, и ее ученицы в том числе.

Люди не могли не заметить, как спорится у Любы дело, как отдается она ему с душой, как старается, чтобы все у нее было хорошо, и поняли: такой уж она человек, добросовестный во всем. Ей можно поверить, на нее можно положиться. Подружки по участку избрали ее профоргом. Сейчас она еще и член цехкома. Евгений Иванович, начальник смены, Зоя Петровна, технолог, и Александр Петрович, начальник цеха, рекомендовали комсомолку Мариненко в партию. Но от молодежи — а весь завод тут, можно сказать, молодежный — ее не оторвать. Как члену партбюро цеха ей поручено отвечать за комсомольскую работу. Люба — ветеран на заводе, здесь она с июня шестьдесят пятого. Бывают, оказывается, и двадцатипятилетние ветераны!

x x x

Мне довелось еще раз встретиться с Любовью Мариненко — уже в Москве, в гостинице «Россия». Навстречу мне поднялась золотоволосая, высокая, стройная девушка в элегантном костюме. В вазе благоухали гвоздики, те самые, что кооператоры Франции прислали в подарок лучшим дочерям Советской страны. Она в числе лучших по полному праву. Люба была делегатом XXIV съезда КПСС от партийной организации города Волжского.

Как лучились ее глаза, когда она рассказывала о съезде, о своих встречах в те дни, о приеме у министра химической промышленности, о том, какие спектакли посмотрела в любимом театре — Большом!

...От Ладожской улицы до улицы заводов, на которой находится завод синтетического волокна. От города Волжского до Москвы. От Мамаева кургана до столицы Родины, до Кремля. Вот большая Любина трудовая дорога. На эту дорогу вступили миллионы советских юношей и девушек, окончивших средние школы. Пусть же она станет и дорогой многих и многих выпускников семьдесят первого!

Фото В. БОРОДИНА.

ИСТОКИ

Юрий БЫЧКОВ

В № 30 «Огонька» была опубликована статья первого секретаря правления Союза художников РСФСР Петра Оссовского, в которой он рассказал о знаменательном событии в истории культуры народов Российской Федерации — Выставке произведений художников автономных республик РСФСР.

«Огонек» продолжает рассказ об этой яркой, богатой и талантливой выставке.

Волга берет начало из родника. Скромен, чист и прозрачен исток великой реки. Светлым родником большого искусства было и остается народное творчество. А если быть точным, народная жизнь: труд, быт, история, нравственные устои, обычаи и обряды, одежда, предметы обихода.

Истоки могучей реки по имени Искусство там, в гуще народной жизни. Думается, что успех многих художников автономных республик основан на исторически верном ощущении, понимании изначальной роли истоков.

Нынешнюю подборку репродукций картин с Выставки произведений художников автономных республик РСФСР открывает работа казанского живописца Ильяса Зарипова «Дома». Эта картина дорога, близка мне прежде всего запечатленным в ней отношением художника к народным понятиям о добром, о красивом. Как проста, естественна, красива жизнь обыкновенной крестьянской семьи одного из сел Татарии, так и живописный язык Зарипова, его мировосприятие покоряют ясной простотой подхода к теме.

Для художника вековой уклад крестьянской жизни естествен, оправдан характером деятельности людей, живущих вот в таких, как на картине, рубленых домах. В общем-то не новость — картина, в которой живописца занимает деревенский интерьер. Но в полотне И. Зарипова особенно привлекательно осмысление, строгий художественный отбор, эмоциональное «прочтение» каждой вещи. Для молодого казанского художника обычный крестьянский дом — это и есть заветный родник народного быта. Нет, нет! Не музейного, а живого, сегодняшнего. Исток народного мастерства.

Картина получилась именно потому, что она написана кистью неравнодушного художника. Изысканно красивы и, безусловно, достоверны красные занавеси с белыми цветами. Домашним теплом дышит печь. Радует глаз скульптурностью формы, блеском поливы глиняная макотка. Сияет жаркий самовар. А художник между тем раскрывает нам глаза на все новые и новые эстетические достоинства интерьера. На фоне густо-золотистых, янтарно-медовых стен белеет новенький ушат. Узору комнатных цветов вторит морозный узор на стеклах окна.

В центре картины молодая мать и годовалое дитя, вчерашний ползунок. Художник пишет типический, обобщенный образ молодой татарской женщины. У героини И. Зарипова обаятельное лицо. Его освещает радость материнства. Национальный наряд дорисовывает образ счастливого человека.

Крестьянский дом, традиционность сельского быта, трудовая сельская семья — этот круг тем постоянно привлекает художников, тесно связанных с современной деревней. Пользуясь термином, прочно прижившимся в литературоведческом обиходе, хочу здесь заметить, что у нас в изобразительном искусстве выросла, достигла поры творческого расцвета целая плеяда талантливых «деревенщиков». Виктор Иванов и Юрий Кугач, Валентин Сидоров и Ахмат Лутфуллин, Татьяна Яблонская и Владимир Стожаров. И всегда с великой благодарностью называемый в этой связи патриарх русской живописи, первый наш «деревенщик» Аркадий Александрович Пластов, хорошо знакомый читателям «Огонька», поскольку его произведения, как и всех этих мастеров, можно видеть на цветных вкладках журнала.

Теперь в полку художников, поэтов деревенской жизни, новое имя — Ильяс Зарипов. Встреча с дебютантом вселяет надежды на будущее, поскольку им сказано в искусстве только первое веское слово, а динамизм нашей эпохи, решительные перемены, которые сулит стремительный рост механизации сельскохозяйственного производства, безусловно, потребуют от молодого, талантливого художника активного, страстного выражения действенной любви к обновляемой советской деревне.

Как это недавно было, каких-нибудь сорок лет тому назад. Первый трактор на полях Удмуртии! В масштабах истории — малый срок. Ижевский художник Петр Семенов по молодости лет не был очевидцем этого события, но его родители это видели, потому что сами были участниками исторического процесса, имя которому коллективизация.

Достоинство работы П. Семенова в том, что в ней есть личное ощущение времени: алый, как знамя, трактор чуть ли не летит по земле, увлекая за собой людей, а за ним распластались до самого горизонта притихшие от непривычного моторного грохота поля. Есть образное выражение верного исторического взгляда на событие: беспредельные колхозные поля жаждут машинной техники, и, коль прибыл в деревню трактор, колхозное крестьянство победит.

«Первый трактор» — тема повышенной трудности. Незапоминающихся картин про это было столько, что не счесть. Но для удмуртского живописца желание вернуть решающему в жизни советского крестьянства моменту — в село прикатил стальной конь — первозданную силу и привлекательность, очевидно, было сильнее всяческих страхов и опасений.

Конечно, П. Семенов своим «Первым трактором» не вывел исторический жанр с непроезжей дороги на широкий тракт, но эта работа дает повод коснуться вопросов развития советской исторической картины.

Когда возникает угроза уникальному творению природы, в дело вступает журналистика, публицистический кинематограф. Благополучие природы — это наше счастливое будущее.

И очень часто начинается разговор об уникальности того или иного места на земле с впечатления зрителя, обратившего внимание на открытие художника-пейзажиста. Саврасовские березы, Волга в районе Плеса, воспетая Левитаном, поленовская Ока у Тарусы, цветущие северные леса Ромадина, сарьяновское вúдение древней Армении — это и есть красота, которой нам завещано жить. Труды художников давно уже стали морально-эстетической платформой нашего отношения к природе в масштабах всей страны, в пределах больших временных отрезков.

Взгляните на «Голубое озеро» живописца из Чечено-Ингушетии Валентина Мордовина, отдайте должное величественному Кавказу, подумайте о том, как благородна роль художника. Он с тяжелым этюдником на плече забирается туда, где парят орлы, где до него проходил только зверь и охотник. Это он, восхищенный, пораженный невиданной до него красотой, возглашает нам: «Эврика!»

К родной земле тянутся наши сердца. О родной земле — наши песни и сказы. Поэтическое представление о родине складывается на протяжении жизни многих поколений.

Художник Борис Пушков в триптихе «Песня» решал задачу большой сложности. Одну, пожалуй, самую значительную по содержанию часть триптиха «Огонек» репродуцирует в этом номере.

Не переступая границ станковой живописи, Б. Пушков стремится к созданию символа своей родины — республики мари. Его «Аказ» строится на ритмах и планах, почерпнутых из народного фольклора, и живопись одухотворена народным поэтическим словом. Родниковая чистота этого большого и сложного произведения говорит об искреннем интересе, преданной любви художника к первоисточникам, которые суть народное представление о прекрасном, живущее в преданиях и песнях, в красочных узорах национальной вышивки, в доброте, талантливости людей марийской земли.

Интерес и внимание к народным истокам характерны сегодня для многих мастеров живописи, и Выставка произведений художников автономных республик РСФСР в Манеже еще одно подтверждение благотворности этого влияния.

И. Зарипов (Казань). ДОМА.

Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

П. Семенов (Ижевск). ПЕРВЫЙ ТРАКТОР.

Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

В. Мордовин (Грозный). ГОЛУБОЕ ОЗЕРО.

Микола ЗАРУДНЫЙ

«СЛОЖИ МНЕ, СЫН, ПЕСНЮ...»

Имя украинского драматурга Миколы Зарудного хорошо известно и за пределами Украины. Начиная с пьесы «Весна», в театрах идут все последующие его пьесы: «На крутых берегах» и «Ночь и пламя», «Веселка» и «Если ты любишь», «Мертвый бог» и «Фабрикант», «Антеи» и «Ну и дети ж...», «Остров твоей мечты» и «Марина», «Синие росы» и «Рим, 17, до востребования» и другие. Только правда человеческого бытия, с его радостями и горестями, проходит через всю драматургию Миколы Зарудного. Художник встает перед нами страстным борцом, который с большим гражданским мужеством разоблачает приспособленцев, бюрократов, обывателей — всех тех, кто мешает нашему делу. Но главные герои писателя — смелые и гордые, духовно богатые люди, с большим сердцем и широкой душой, с глубокой верой в будущее.

Бывает так, что в рамки пьесы не укладываются события и проблемы, волнующие писателя. Тогда он садится за прозу. Перу Миколы Зарудного принадлежат многие рассказы, повесть «Мои земляки», роман «На белом свете».

В эти дни известному украинскому писателю Николаю Яковлевичу Зарудному исполняется пятьдесят лет, которые он встречает в полном расцвете сил, большими творческими победами.

Ниже мы публикуем главу из нового романа писателя «Уран» — второй книги дилогии «На белом свете». Полностью «Уран» будет публиковаться в журнале «Москва».

Ничего так не любил Нечипор Сноп, как сеять. Эта работа была для него праздником души. Весной или осенью, когда выводил он свою бригаду на поля, парни хлопотали возле агрегатов в белых сорочках. Потом, разумеется, носили пропотевшие сатиновые рубахи или гимнастерки под засаленными телогрейками, но в первый день сева, по неписаному закону, который установил сам Сноп, приходили в белых вышитых или нейлоновых рубашках. Нечипор проверял каждую сеялку, туковые аппараты для удобрений и только тогда говорил:

— С богом! — Так, наверное, говорил сотни лет назад его прапрадед, начиная это святое дело. Потом Нечипор переходил к современности.— Соревнуйтесь, хлопцы, но помните, что грош цена вашим сверхплановым гектарам, если вы бросите зерно в землю как-нибудь. Слазь тогда с трактора или с сеялки и не показывайся ни мне, ни людям на глаза. А сделаете все как следует — сам буду носить вас на руках, если хватит времени и позволит здоровье...

После такой речи Сноп садился на одноконную линейку и ехал к другому агрегату. Колхоз купил для Нечипора мотоцикл с коляской, но бригадир отказался:

— Что я с того мотоцикла увижу? Будет мигать в глазах, а я все видеть должен.

Постарел за последние годы Нечипор Сноп. Все глухо кашлял, но держался. Мария уже не раз говорила:

— Уходи, Нечипор, на пенсию, отдохнешь, пусть уж Юхим за тебя поработает.

— Пусть он, Маруся, за себя... Как же я дома усижу? Может, я и живу и работаю по инерции... Разогнался в молодости и до сих пор в борозде... Остановлюсь — конец мне...

— Неужели без тебя не управятся? Вон какие хлопцы повырастали!

— Управятся,— соглашался Нечипор,— но я свой век хочу дожить в строю, а не в обозе... Звездочку золотую получил, а теперь на завалинку? Что люди скажут? Что обо мне правительство подумает?

— Звезду тебе, Нечипор, за всю твою колхозную жизнь дали... И за хлеб, который ты вырастил, и за землю, которую вспахал и кровью своею полил.

— Ты ж сама видишь, Маруся, что нельзя мне без этой земли... Вот отсеемся, зимой отдохну, а там посмотрим.

Сегодня Нечипор Сноп перевел четыре агрегата на Выдубецкие холмы. Хлопцы заняли участки и начали сеять еще на рассвете. Нечипор прошел из края в край за трактором Юхима, время от времени наклонялся, разгребал влажную землю и брал на ладонь зерно, будто золотинку, потом опять клал в грунт. За Юхимовым агрегатом тянулись ровные рядочки.

— Добре, сыну, добре. Сей. Только не забывай за будничной суетой, что делаешь. Если наполняется твое сердце радостью хлебороба и ты осмыслил свою жизнь на этой земле, то и думы твои будут высокие и чистые и люди скажут о тебе, что ты настоящий человек.

«Уже пора бы Юхиму жениться,— думает Сноп.— Надо, чтоб дети были». Хотелось Нечипору и их, внуков, влюбить в эти поля, чтобы росли сильными и мудрыми, чтоб никогда не оставляли земли. Дочь Подогретого — девушка славная, пришлась по душе. Хоть отец и в начальстве ходит, а она свеклу обрабатывает. Не дают покоя Нечипору Снопу эти тяпки. Уж и комплексные звенья организовали — стараются механизаторы,— а прорывка свеклы все еще на женских руках... Ученых есть сколько, ракеты запускают на Луну, а машины, которая б заменила женские руки на свекле, нет... Вот Юхим с Максимом поступили в Институт механизации сельского хозяйства на заочное отделение, может, они придумают, когда выучатся?

Юхим ко всякому делу охочий. И в солдатах прослужил, не опозорив рода Снопов, и из села не убежал на легкие хлеба, как некоторые, и в бригаде первый... А еще есть песни Юхима... Это тоже отрада старого Снопа. Может, в их роду и слагал кто-нибудь песни, но люди об этом не знают, а песни Юхима поют в селе и по радио из Киева передавали. Наверное, щедрый тот человек, который дает людям хлеб и песню...

Нечипор остановил коня, соскочил с линейки — под гору было тяжело Ветрогону, и он все время косил карим глазом на хозяина.

— И ты устал. Постарели мы с тобой, Ветрогон.— Сноп взял коня за узду и пошел рядом.— Нам бы уже с тобой не под гору, а в долины...

На Выдубе Сноп привязал коня к линейке, снял телогрейку и обвел взглядом черное безмежье полей. «Пусть бы и похоронили меня здесь,— подумал Нечипор.— Так не хочется лежать на том кладбище: тесно, в жару пахнет бузиной, а зимой занесено снегами. А тут простор, резвятся ветры весенние...» По лицу, изборонованному густыми морщинами, катится слеза.

Проклятый ветер, запорошил глаза... Нечипор быстро вытирает слезу, словно боясь, что кто-то ее увидит. Оглянулся: смотрит Ветрогон. У него тоже катятся из глаз тяжелые слезы. А ты почему плачешь? Разве у тебя не было радостных дней? Ты ж помнишь, как лошаденком бегал за матерью в поле, не забыл ее мягкое вымя и запах вечернего молока? А как молодым жеребенком, вытянув длинную шею, мчался по утренним сизым лугам и тебе казалось, что ты летаешь в облаках? А разве ты забыл, как тебя впервые запрягли в свадебную повозку? Играла музыка, в гриве твоей были ленты, и ты вырывал копытами землю, и летела

она по всему белому свету... Ты любил, когда вожжи держал в руках Савка Черемис. Он всегда знал, чего ты хочешь... Потом Савка начал тебя запрягать в плуг и в бороны... Ты должен был добывать с ним хлеб... Тебя любили, кормили овсом, духмяным сеном, прикрывал тебя Черемис своим кожухом, когда морозы сковывали землю, а ты возил навоз на поле... Не плачь, мой конь...

Нечипор Сноп достал из сумки кусок хлеба, посыпал солью и разделил надвое:

— Бери, ешь, позавтракаем с тобой.

Ели душистый черный хлеб...

Могла бы у тебя быть и другая лошадиная судьба. Мог бы ты носить в сечи воинов и слышать гул боя, звон сабель, видеть всплески пожаров, а потом высекать подковами искры из брусчатки на парадах... Не грусти. Так уж сложилось, что другие были в боях, тянули нескончаемые грабарки на Днепрогэсах и Магнитках, подвозили боеприпасы и забирали раненых... Ты же обыкновенный колхозный конь. Ты прекрасный конь, и твоя жизнь прекрасна, потому что ты служил людям. Не плачь, конь...

Затих рокот моторов. Нечипор оглянулся: стоял агрегат Максима Мазура. Потом он увидел «газик» Платона Гайворона возле трактора Юхима. И тот остановился. Что там у него? Механик же лично проверял агрегаты. Может, семян не хватило? В самый раз пора рожь сеять, а они стоят. Вот я вам!.. Гайворон теперь поехал напрямик к машине Григория Шпака. Тоже остановил.

Нечипор запряг коня и сел на линейку. Ну, конечно, с горы Ветрогон бежал, как молодой.

Юхим и два сеятеля сидели над канавой, курили.

— Почему это вы перекуры устраиваете?— остановился Нечипор.

— А-а,— сплюнул рябой Лаврон Питель.— Закончился наш сев, Нечипор.

— Запорол машину? В такую пору?— набросился Сноп на сына.

— Тату, чего вы?— Юхим очень не любил, когда отец ругался.— Гайворон приехал и сказал, что больше не будем засевать Выдубецкие поля.

— Как это не будем? А хлеба наши где родили? Разве не здесь?.. Хе-хе...— усмехнулся Нечипор.— Ишь, проворный какой...

— Наверное, будут шахты копать,— размышлял Питель.— Все вверх дном перевернут...

— Полезные скопаемые,— подкинул и свое Петр Седлак, или, по-уличному, Перепечка.— Сверлили эту землю, сверлили и нашли полезные скопаемые... Секретные...

— Что ты там городишь? Ископаемые?.. Нефть нашли! — поправил Перепечку Лаврон.

— Он мне говорит,— засмеялся Петр.— У меня на квартире стоял их мастер... Человек врать не будет. Говорит: такое нашли, что теперь нашу Сосенку называют «объектом»... А если «объект», то, значит, скопаемые секретные. Он мне говорит...

— Вье-ё!..[1] — вскочил Нечипор на линейку.

Наверное, Гайворон заметил Нечипора, потому что развернул машину и поехал наперехват.

— Что это делается, Платон? — спросил Сноп.— Ты запретил сеять пшеницу на Выдубецких горах?

— Я.

— Почему?

— Чтоб зерно не переводить, Нечипор Иванович... На днях тут начнется строительство большое... Есть решение.

— Чье решение? Где это видано, чтоб запрещать сеять? — Нечипор так смотрел на Гайворона, словно тот сам все решил.— А почему нас не спросили? Мало кто задумает здесь строить! А хлеб? Нет, нет, ты себе знай свое, Платон, а мы свое. Будем сеять.

— Нечипор Иванович, мы созовем собрание, обо всем поговорим... Придут ученые, расскажут нам, что таят в себе наши высоты. Так надо для всех. Понимаете? — старался убедить Снопа.

— Хлоп-цы!— звал Нечипор.— Дава-ай, чего остановились?

[1] Вьё (укр.) — понукание лошади.

Юхим первый услышал голос отца и сел в кабину. За ним тронули с места и другие агрегаты.

— Нечипор Иванович,— Платон почти умолял Снопа,— не надо, зря зерно губите.

— То, что в земле, не погибнет. Сейте, хлопцы, сейте! Ни у кого не поднимется рука на хлеб... И у тебя, Гайворон, тоже.

Платон по пути с Выдубецких высот встречал машины, нагруженные зерном, и возвращал их на склады. Нечипор Сноп видел, как со временем остановились один за другим агрегаты — кончились семена. Механизаторы сошлись к бригадиру, который в тяжкой задумчивости сидел на краю дороги.

— Что дальше будем делать? — тихо спросил Максим, будто боясь потревожить мысли Снопа.

— Сеять,— ни на кого не глядя, ответил Нечипор.

— Нет семян, батя... Чем же мы эти горбы засеем? — Юхим заглянул в сеялку.— Пустая.

— Де-ла,— присел возле Снопа Петр Седлак.— Полезные скопаемые...

— Может, в третью бригаду переведем тракторы? — несмело предложил Максим.

— Там и без нас сегодня закончат,— сказал Грицко Шпак.

Нечипор медленно поднялся с земли, и трактористы только теперь заметили, что он плакал. Сдернув с головы фуражку, смахивал ею с глаз слезы.

— Вот что... Будем сеять... без семян. Пусть все видят, что моя бригада в работе, и мы перед землей не виноваты...

— Да вы что, батя! — Юхим посмотрел на отца с каким-то неосознанным страхом. — Как это сеять без семян?..

— Зачем зря будем тратить горючее?— поддержал товарища Максим.

— Горючее...— с укором повторил Сноп.— А душа у тебя не горит?

— Надо идти в село,— сказал Юхим.— Там все узнаем.

— Идем, — согласился Шпак.

— Как же вы можете покинуть поле?.. Оно ждет...— Кажется, Сноп не выговаривал эти слова, а их выкрикивали его глаза.

— А нам что? — растоптал окурок Лаврон Питель. — Привезут семена — посеем, скажут шахту копать — начнем. Одним словом, колхоз.

— А батька твой был умным. — Сноп отвернулся от Лаврона. Парни рассмеялись.

— Что смешного? Садитесь в машины!

— Батя, я не буду пустую сеялку таскать.

— Будешь!

— Нет.— Юхим взял из кабины телогрейку.— Я иду в село.

— Идите, все идите! Я один останусь. — Сноп медленно направился к трактору Юхима.

...Скрежетали гусеницы, подминая землю, сошники сеялок оставляли за собой ровные, бесплодные бороздки. Юхим бежал рядом с трактором и кричал:

— Тату, остановитесь! Тату!..

Но Сноп не слышал сына, он сидел в кабине, подавшись вперед, и крепко держал рычаги, будто тянул сеялки на себе. Юхим из последних сил забежал вперед и встал перед трактором.

— Что тебе? — высунулось из кабины серое лицо Снопа. Трактор остановился, будто вздыбился, и вздрагивал всем своим могучим телом.

— Тату, не смешите людей, идемте в село!

— Мне, Юхим, горько от того, от чего тебе смешно, — ответил, не глядя на сына, Сноп. — Отойди в сторону!

Юхим отошел, а отец, стронув трактор с места, потянул на Выдуб сеялки пустые и открытые. В их коробы врывался ветер, и будто этим ветром старый Сноп засевал холмы.

Юхим еще раз прошел через все поле вслед за отцом, но тот даже не повернулся к нему. Да, сейчас ничто не могло остановить старика...

Долго ждал Ветрогон своего хозяина. Щипал травку близ дороги, поглядывал, не идет ли Сноп. «Наверное, надоело ему ездить на этой узенькой линейке»,— может, подумал конь, видя, что Нечипор пересел на трактор. Чтобы напомнить о себе, Ветрогон тоже направился на Выдуб.

...Юхим надеялся увидеть возле конторы правления толпу людей, возбужденных новостью, но там не оказалось ни души. На улицах тоже никого. «Что за чудо?» — подумал Юхим. И хата оказалась на замке, а мать куда-то ушла. Он стоял посреди подворья, не зная, что ему делать. Скрипнула калитка, вбежала Светлана.

— Как твой отец?! Плохо с ним? Говори! Я как услышала...

— Что услышала?

— Сказала тетка Текля, что с ним что-то сделалось... Батька поехал машиной, а люди за ним... Полсела пошло.— Светлана была поражена спокойствием Юхима. — Ты чему улыбаешься? Может, надо «Скорую помощь» вызвать из Косополья?

— И ты поверила, что мой батька сошел с ума?

— Да нет, — оправдывалась Светлана, — говорят, что пустые сеялки волочит...

По пути домой Лаврон Питель рассказывал всем встречным о странном поведении Снопа. Этот рассказ быстро перемахивал через плетни и заборы, попадал в дома, постепенно утрачивая свое первоначальное содержание, и принесся в сельсовет до Макара Подогретого страшной вестью:

— Нечипор Сноп тронулся умом! — сообщил ему Олег Дынька, держась рукой за косяк двери, чтоб не упасть.

Макар выбежал из сельсовета на улицу, остановил проезжавший мимо бензовоз и помчался на Выдубецкие холмы. Он не видел, как за ним устремилась вся Сосенка — молодицы, дети, старики, а сзади всех прихрамывала ни живая ни мертвая Снопиха.

Бензовоз, словно бешеный, вылетел на Выдуб. Макар выскочил из машины и побежал к трактору, еще не зная, что будет делать, что скажет Снопу. Бежал, дабы убедиться, что все это неправда. С горы Макар видел, как по пахоте шли люди, размахивая руками, будто собираясь штурмовать Выдуб. Трактор Снопа медленно поднимался вверх, а немного в стороне от него тянул линейку старый Ветрогон.

Бежать Макару было тяжело, в животе что-то булькало, и он остановился, вытер рукавом вспотевший лоб, нащупал конец ремешка и затянул его до отказа. Живот изменил свою форму, но как только Макар набрал воздуха для последнего рывка, медная пряжка щелкнула и отлетела метров на пять. Пока нашел ее и прилаживал на место, трактор остановился. С него слез Сноп, взял за уздечку Ветрогона и пошел навстречу Макару.

— Доброго здоровьичка! — тенорком протянул Подогретый, стараясь отыскать какие-то изменения во внешности Снопа, потом подошел к сеялкам, заглянул в коробы. — Все высеяли, Нечипор Иванович?

— Горючего нет, — ответил Сноп. — Семян нет и горючего нет...

— Вы что же, пустые сеялки волочили?

— Волочил... Идем, старик. — Легонько дернул коня за уздечку.

— Видите, какой переполох подняли.— Макар показал на людей, которые черными цепочками растянулись на холмах. — Неправильно это, Нечипор Иванович.

— Что «неправильно»? — безразлично спросил Сноп.

— Ну, что вы, значит, коммунист и Герой, а таскаете пустые сеялки и сбиваете народ с линии...

— Макар, помолчи, ради бога! Сейчас я тебе не могу ничего сказать, — подавлял свою печаль Сноп.

Ветрогон послушно пошел за хозяином.

Мария увидела, как Нечипор спустился с холма.

— Нечипо-о-р! — замахала ему платком.

Сноп узнал жену, остановил коня.

— Что ты тут делал? Такого наслышалась!

— Прощался с Выдубом... Садись, Маруся, поедем дальше.

Нечипор посадил жену на линейку впереди себя, набросил на ее плечи телогрейку: стал накрапывать дождь.

А тем временем Макар Подогретый, со всех сторон окруженный сосенцами, преодолевал Выдубецкие горы и долины.

— Еще раз говорю вам, — уже хрипел Макар, — что товарищ Нечипор Сноп жив и здоров! И в сеялках было полно зерна.

— А Лаврон божился, что пустые таскал!

— Ой, боже мой, что ж там уродит!

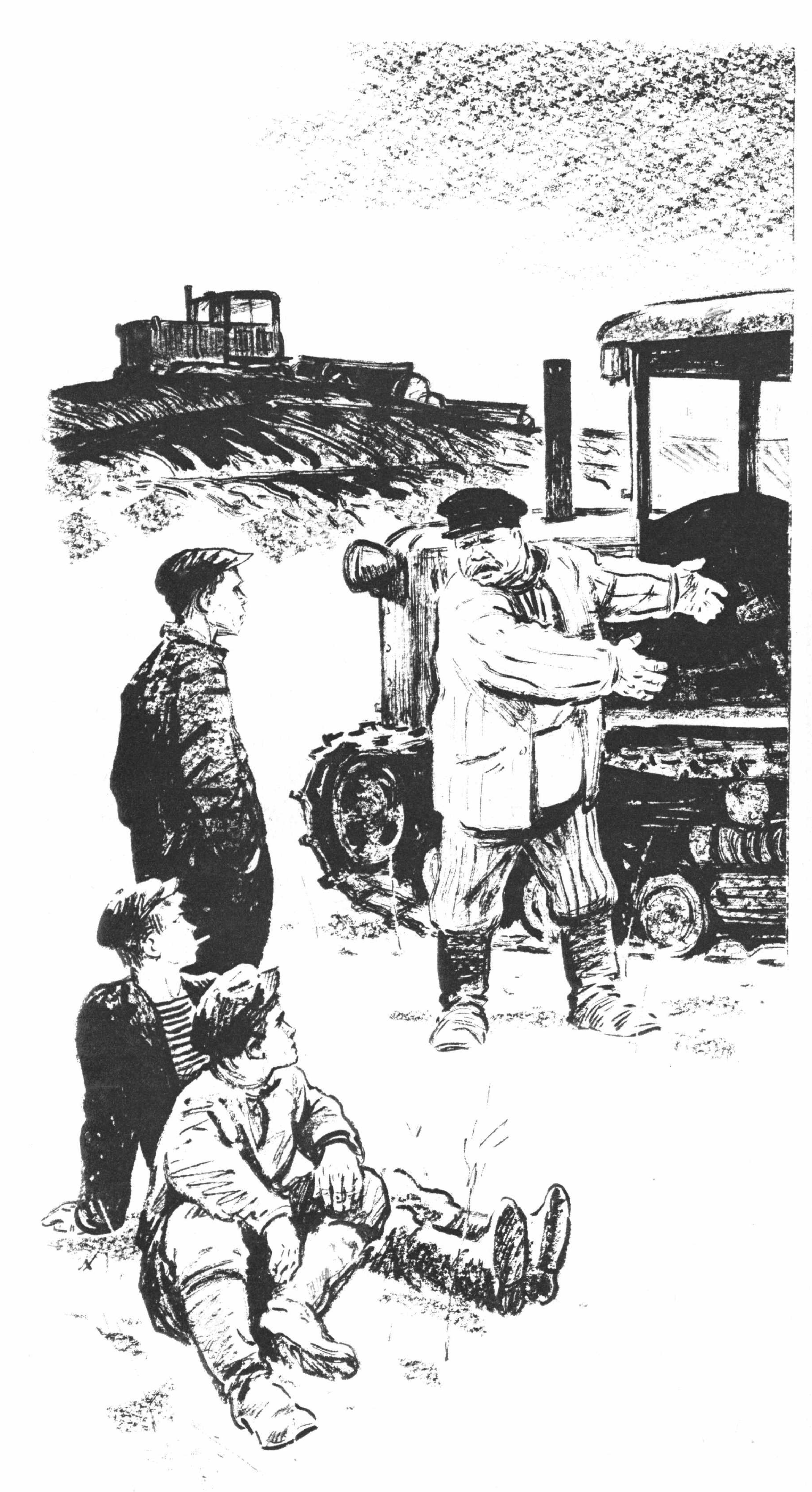

Рисунок Л. ХАЙЛОВА.

— Уже отродили свое Выдубецкие холмы...
— Это ж погибель наступает!
— Вы сознательные или несознательные? — допрашивал людей Макар. — Говорю вам, как председатель сельсовета, что все идет по плану...
— Ой, поле ж ты, наше поле, а мы твои колосочки! — залилась слезами Текля. — Никто ж тебя не засеет, никто не увидит, как цветешь ты...
— Чего дерешь горло, Текля?
— Пусть бы они провалились, чтоб я за теми горбами плакала!
— Ты такая, что и огород свой отдала б!
— Макар, что ж оно будет на тех холмах?
— Индустрия! — многозначительно провозгласил Макар. — Мы с Гайвороном все вам расскажем, а сейчас не могу, а то из меня пар идет.
Толпа постепенно редела.

Сосенка очень гордилась своим композитором Юхимом Снопом. Первым исполнителем его песен был Михей Кожухарь, а после него уже пели село и район. А недавно песню Юхима спел по радио Дмитрий Гнатюк. Теперь эту песню поют по всей республике. Юхима приглашали принять участие в конкурсах, предлагали ему свои страницы журналы и газеты, но он не торопился:
— Я не умею писать песню, она должна сама родиться.
Сноп был счастлив, что песни рождаются в его хате, но вида не подавал.
— Считаю, Михей, — подначивал он Кожухаря, — что песню может сложить каждый человек. Не много, а одну может...
— Ничего ты в этом деле не смыслишь, — отмахивался Кожухарь. — Чтоб сложить песню, надо иметь дар в голове и в сердце.
— Ко всему надо иметь дар...
— Правильно, — соглашался Кожухарь, — но природа выделяет каждому народу разные таланты, чтобы он процветал... Вот так. Ты наделен талантом сеять хлеб, а твой сын — еще и песни слагать, чтоб хлеб твой не был пресным и тяжелым... Без песни жить человек не может, иначе душа его усыхает и делается маленькой, злой.
Когда Юхим получил за свою песню первый гонорар, Нечипор Иванович посоветовал:
— Ты, сын, верни назад эти деньги, на песнях нельзя зарабатывать.
— Так всем же композиторам платят. Ведь это труд...
— Композиторам — другое дело. Они с того хлеб едят, а ты на тракторе зарабатываешь. Верни деньги... Ну, а если в самом деле нельзя, то купи на них пионерам барабан... и еще что-нибудь...
— Хорошо, тату, — сказал Юхим и, поехав в Косополье, купил для пионерских отрядов шесть барабанов.
...В этот день, придя домой, Нечипор подозвал к себе Юхима и сказал:
— Дай мне, сын, белой бумаги и ручку с черными чернилами.
— Что вы, батя, собираетесь писать?
— Напишу Гайворону заявление... Пусть снимают меня с бригадиров... Распрощался я уже с полем и с холмами Выдубецкими...
— Тату, нельзя так.
— Я никогда не обманывал землю и людей. А если пришлось Снопу волочить пустые сеялки, значит, земля мне уже не будет верить. Вот и давай бумагу и ручку с черными чернилами.
Юхим знал, что сейчас возражать отцу бесполезно, поэтому достал из стола бумагу, авторучку и положил на стол.
Сноп помолчал, прошелся по комнате, а потом остановился перед сыном:
— Ты, Юхим, сделай для меня... одним словом, напиши мне, сын, песню о Выдубецких холмах... Высокие-высокие, что и птица до их вершины не долетит... а стоят они засеянные... Кто ж засеял их? А засеяли их хлебом-пшеницей славные хлопцы-молодцы из доброго рода... Черные тучи наступают, белым снегом засыпают, а высоты зеленеют. Вот такую сложи мне, сын, песню...

Перевел с украинского
И. СТАДНЮК.

Высадка десанта.

В. СТЕПАНОВ

Рисунки П. КИРПИЧЕВА.

НА МАЛОЙ ЗЕ

Начальник штаба 255-й Краснознаменной бригады морской пехоты полковник А. А. Хлябич.

Однажды мне довелось просеять сквозь сито взятую в Новороссийске около рыбозавода землю. На жестянке остались металлические осколки — сама заржавленная смерть. В шорохе морского ветра я вдруг услышал крики людей и грохот боя...

Подобное переживаешь при знакомстве с рисунками художника Павла Яковлевича Кирпичева, что собраны в его мастерской. Из сурового прошлого, словно ожив, смотрят на тебя лица героев Новороссийска и Малой земли: легендарный Сипягин, бойкий Леднев, Видов и Рыжов, матрос Петр Пропастин, человек бесшабашной отваги Ботылев... И, хоть нет его на рисунках, Цезарь Куников, который бился рядом с ними. А вот на эскизах и сама исполосованная снарядами и бомбами, истерзанная Малая земля...

Высадившись в феврале на занятый врагом берег под Новороссийском, армия и моряки на двадцати четырех квадратных километрах утвердили свой плацдарм.

До самого освобождения города воины Малой земли держали позиции. А шестнадцатого сентября 1943 года вошли в город как победители.

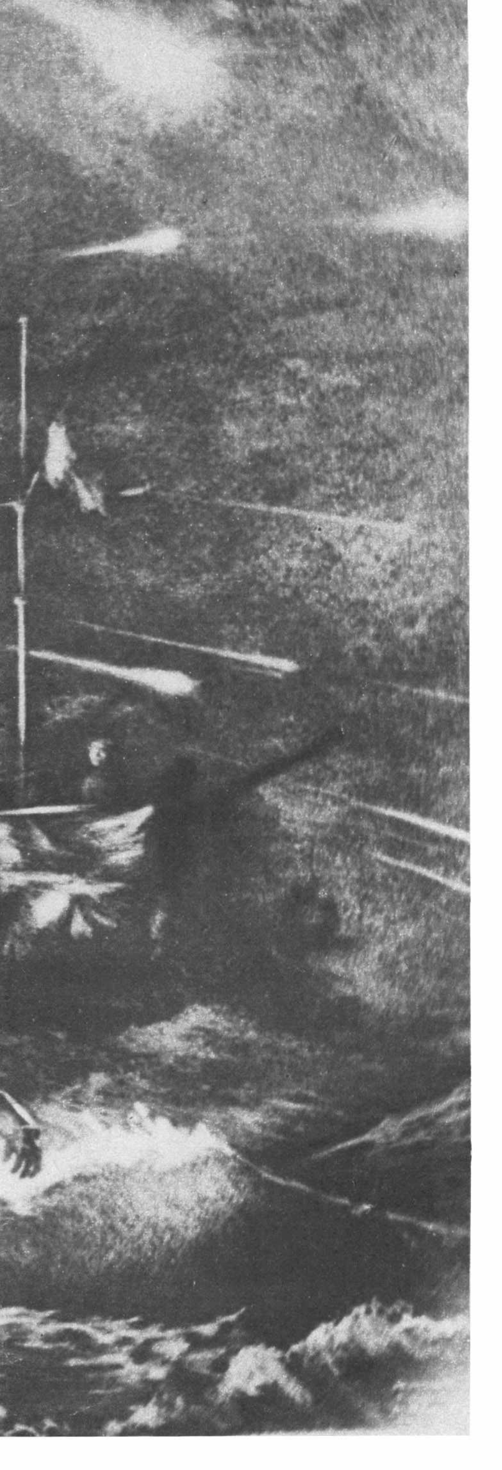
О своем пребывании на Малой земле Павел Яковлевич вспоминает так:

— В июне 1943 года я в составе бригады военных художников вылетел на Северо-Кавказский фронт. В Фальшивом Геленджике отыскал начальника политотдела 18-й армии. Навстречу мне вышел из-за стола полковник. Узнав, что я только что из Москвы, он стал расспрашивать: как столица, сильно ли страдает от вражеской авиации, как москвичи? И тут же поинтересовался, живописец я или график. Я ответил, что делаю эстампы и что этот вид искусства близок к журналистике.

— С творчеством таких художников знаком. У нас работает очень хороший рисовальщик Борис Пророков,— сказал полковник.— А какой род войск вас интересует?

Я ответил, что хотелось бы попасть к морякам.

— Есть у нас тут место, где моряки проявляют невиданный героизм.—Полковник на миг замолчал, посмотрел на меня и добавил: — Но оно очень опасное... Это Малая земля... Для художника-бата-

МЛЕ

листа она должна представлять интерес. Очень важно запечатлеть героев десанта...

Полковник быстро набросал содержание командировки и затем, вызвав дежурного, попросил перепечатать текст на машинке. Когда бумага была готова, начальник политотдела подписал ее, предварительно попросив меня проставить фамилию, имя и отчество. Прощаясь, сказал:

— Пойдете в дивизион Сипягина. Они вас ночью переправят на Малую землю.— Он протянул руку: — Ну, до свидания, художник! До встречи на Малой земле.

Уже в дверях я обернулся и спросил: «Как ваше имя-отчество?» Полковник ответил: «Леонид Ильич».

В ту же ночь Кирпичев прибыл на плацдарм, где попал в политотдел корпуса к полковнику А. И. Рыжову.

— Этот человек всегда светился оптимизмом...— вспоминает художник и показывает нарисованный им портрет Рыжова.— Я попросился вначале на левый фланг обороны: хотелось увидеть и запечатлеть самого левофлангового солдата огромного фронта, протянувшегося на три тысячи километров от Баренцова до Черного моря. Передний край его левого фланга проходил по склону горы Колдун и спускался к морю. С сопровождающим я добрался до КП взвода.

Павел Яковлевич протягивает мне рисунок.

— Вот этот блиндаж. В нем располагались два командира и несколько солдат. Командир взвода дал мне нового провожатого и приказал: «Отведите художника к Нитребину».

По ходам сообщений, через кусты, мы вышли к обрыву. Глянул вниз — там, омывая узкую полоску береговой гальки, плескалось безлюдное море. Солдат Нитребин — самый левофланговый советско-германского фронта — лежал в кустарнике. Я пристроился подле него и принялся рисовать. Как я сейчас ругаю себя, что не спросил, откуда он родом, где жил до войны!..

Затем я отправился на правый фланг и некоторое время находился в 14-м батальоне. Вспоминая сегодня тех, кого встретил там, первым хочу назвать Петра Пропастина.

...Линия фронта проходила по Азовской улице. Улица от моря шла вверх, к кладбищу, раскинувшемуся на взгорье. Правая сторона — у немцев, левая — наша. Середина нейтральна. Справа гитлеровцы расположили с сотню пулеметных точек. Они плотно закрывали подступы к городу. За первой линией обороны немцев — вторая, и так несколько рядов... Ночью малоземельцы хоронят погибших товарищей, эвакуируют под обстрелом на Большую землю раненых. Ночью на Азовской улице звучат разрывы гранат. И все, кто сидит в окопах, ходах сообщений, блиндажах, уже знают: «Это Петя играет шпальникам полундру».

Враг еще долго огрызается минометной пальбой, трескотней пулеметов. В ночи горят подожженные взрывами гранат дома. А когда приходит рассвет, перед глазами бойцов батальона открываются зияющие, дымящиеся пепелищами новые прогалы по ту сторо-

Передний край.

Партактив на Малой земле 26 мая 1943 года. В центре — Леонид Ильич Брежнев.

Водонос.

ну линии фронта. Петина работа!..

— Человек-гранатомет, приходи к нам!..— раздавалось не раз из глубины немецкой обороны. И тут же — посулы, обещания всех благ и наград. Так немцы пытались приручить русский «призрак»...

На Малой земле были легендарные комбаты, были выдающиеся полководцы. Но были и великие солдаты. Петр Пропастин — один из них!

— Мне говорили,— вспоминает Павел Яковлевич,— что Пропастин до войны был чемпионом Крыма по метанию диска и гранаты. Чемпионство свое он завоевал, когда служил в Керчи на знаменитой батарее Бекетова, у которого, кстати, начальником штаба был легендарный Хлябич. Это умение пригодилось Петру на войне. Теперь он кидал боевые гранаты на 70 метров. Петру приходилось забрасывать в расположение частей противника и связки листовок. Был он высокого, богатырского роста, обладал хорошим аппетитом, и командование при всех трудностях с питанием выделяло ему двойной и даже тройной паек. Отличительной чертой его была какая-то почти детская застенчивость. Мне запомнилась первая встреча с ним. Помню, как капитан Ромашков, подозвав Петра, сказал: «Вот художник, он будет тебя рисовать». В ответ Петр пробасил: «Ну, зачем меня? Это если в разведку к школе или еще куда, то я готов, а рисовать меня ни к чему». Он был милый и очень добрый человек. На моем рисунке Петр запечатлен в момент, когда ему приказали позировать: вот и получился он у меня хмурый и недовольный. Резкие черты лица, тонкий рот, взгляд, обычно мягкий, в сложную минуту преображался в суровый. Как-то я попросил Петра проводить меня на передний край. Пропастин согласился. По ходам сообщения мы пробирались к полуразрушенному сараю, находившемуся недалеко от школы. Когда мы дошли до места, Пропастин первым вполз в развалины, потом подал знак следовать за ним.

Я пристроился у щели и принялся рисовать, а он с сопровождающим его солдатом поодаль занял боевую позицию. Вокруг было необычайно тихо, слышалось, как в израненных деревьях кричали птицы. Враг затаился где-то в доме, который я рисовал. Но никак не обнаруживал себя. Я даже полушепотом спросил: «А может быть, там и нет никого?» Пропастин, наклонившись, указал на одно из окон: «Видите, там разбитая ставня? За ней прячется немецкий снайпер». И действительно, приглядевшись, я разглядел то, что мог заметить сразу только опытный глаз разведчика: ставня при дуновении ветра была неподвижна.

...Рассказывая о героях Малой земли, художник продолжал знакомить нас со своими рисунками.

— Это помол хлеба на Малой земле! Над Малой гуляла смерть, а на участке триста двадцать второго батальона с наступлением тепла на пяти гектарах взошел посеянный с осени неизвестно кем озимый хлеб.

Это уже рассказывал находившийся в мастерской бывший начальник политотдела 255-й бригады Иван Андреевич Дорофеев.

— Шли бои, а хлеб, не сетуя на судьбу, рос среди воронок. А летом поспел и стоял некошеный, вызывая в сердце боль и досаду. С продовольствием было очень и очень туго... И вот политотдел принял решение: во что бы то ни стало убрать хлеб. Из бывших хлебопашцев сколотили уборочную бригаду. Сами делали серпы. Смастерили и орудия для обмолота. И в одну из ночей люди приступили к жатве. Одни косили, другие вязали снопы, третьи просто срезали колоски и набивали ими противогазные сумки. За полуразрушенным зданием был спешно устроен ток. Мы обмолотили более пятидесяти центнеров скошенного хлеба. Наше зерно — как дополнительный паек — было роздано по батальонам. И уже там его именно таким способом, как изображено на рисунке, солдаты мололи на самодельных мельницах. Несколько мешков вместе с торжественным рапортом мы направили в политотдел 18-й армии, где просили собранный на Малой земле хлеб передать как подарок от малоземельцев в фонд государственных поставок.

Кирпичев провел на Малой земле почти 90 дней. Как-то, встретив его, полковник Рыжов сказал:

— Ну, художник, пора и выставку организовать!

Начальник политотдела 255-й бригады майор И. А. Дорофеев.

Левофланговый фронта Великой Отечественной войны красноармеец Нитребин.

Герой Советского Союза капитан-лейтенант Н. И. Сипягин.

Заместитель командира 255-й бригады по политчасти подполковник М. К. Видов.

Разведчик Петр Пропастин.

Морская пехота в Новороссийске.

— А где и как? — поинтересовался Кирпичев.

— В окопах, в ходах сообщений...

Художник попросил в штабе скрепки и раздобыл у телефонистов провод. Он натянул его на стенке окопа, развесил рисунки, прикрепив их к проводу. С этой своей необычной выставкой Кирпичев кочевал по окопам. Во время обстрелов она немного пострадала: комьями земли повредило несколько рисунков.

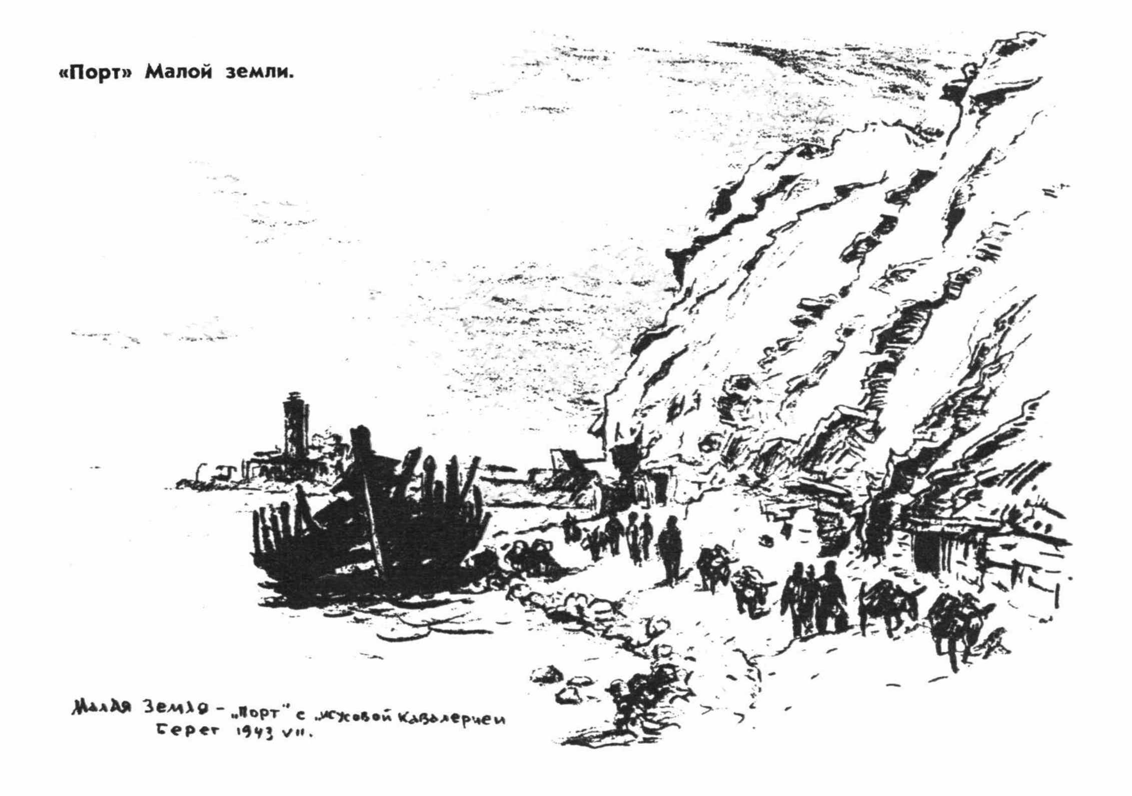
...Вот они перед нами, пожелтевшие, изорванные местами листы, пропахшие гарью войны...

Во время праздника, посвященного 25-летию освобождения Новороссийска, в городе боевой славы была устроена выставка военных художников. На выставке демонстрировались и рисунки Павла Яковлевича. Побывавшая здесь жена Героя Советского Союза Николая Сипягина сделала такую запись: «Прошло двадцать пять лет после гибели моего мужа, а я словно увидела его живым на портрете художника Кирпичева. Удивительно схвачен весь его облик, особенно взгляд, прищур глаз и манера носить фуражку. После стольких лет я как будто увидела Николая живого. Сердечно благодарю Павла Яковлевича, человека душевной теплоты и скромности, за его мужественный труд и талант».

В канун XXIV съезда партии художник Павел Яковлевич Кирпичев, как своеобразный творческий отчет, передал альбом своих рисунков Леониду Ильичу Брежневу, человеку, который двадцать восемь лет назад направил художника на Малую землю.

Помол фронтового урожая.

«Порт» Малой земли.

РЕСПУБЛИКА СОЛНЦА

В. МОРОЗОВА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

Из-за Медведь-горы лениво выползает ослепительный шар солнца, играет на сверкающей меди обращенных к небу труб.

Четыре с половиной тысячи загорелых мальчишек и девчонок высыпали к морю на зарядку. Вдох, выдох, руки в стороны, вместе. Потом обтирание морской водой, утренняя линейка, подъем флага...

Такому распорядку дня, шутят артековцы, может помешать разве что землетрясение. Порядок этот был заведен 16 июня 1925 года, когда впервые взвился к небу кумачовый флаг, возвестивший рождение пионерской республики у подножия Аю-Дага.

Рита Свами и Нареж Дехаликар приветствуют своих новых друзей от имени всех детей Индии.

Звонкая песнь пионерского горна.

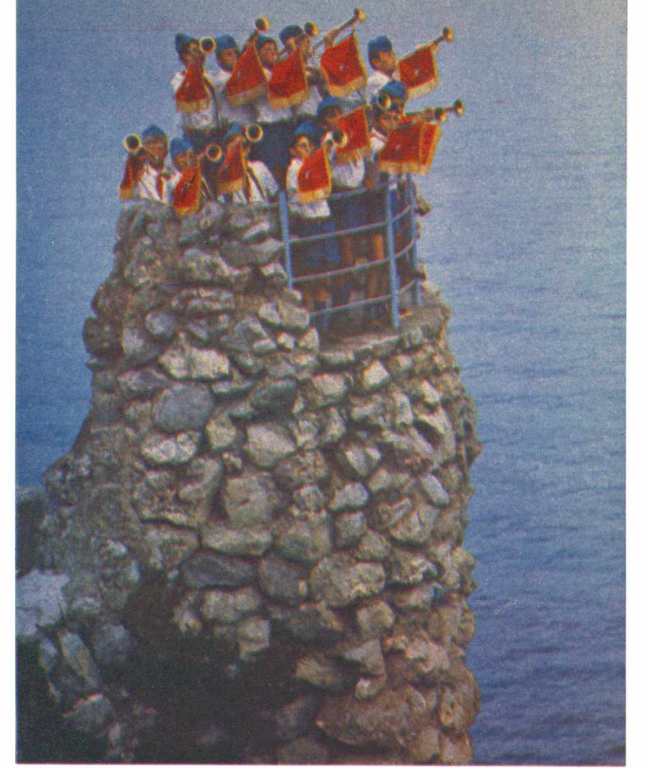
Женя Смирнов приехал в «Артек» из Бурятии.

Пока вожатая не смотрит, можно и побрызгаться!..

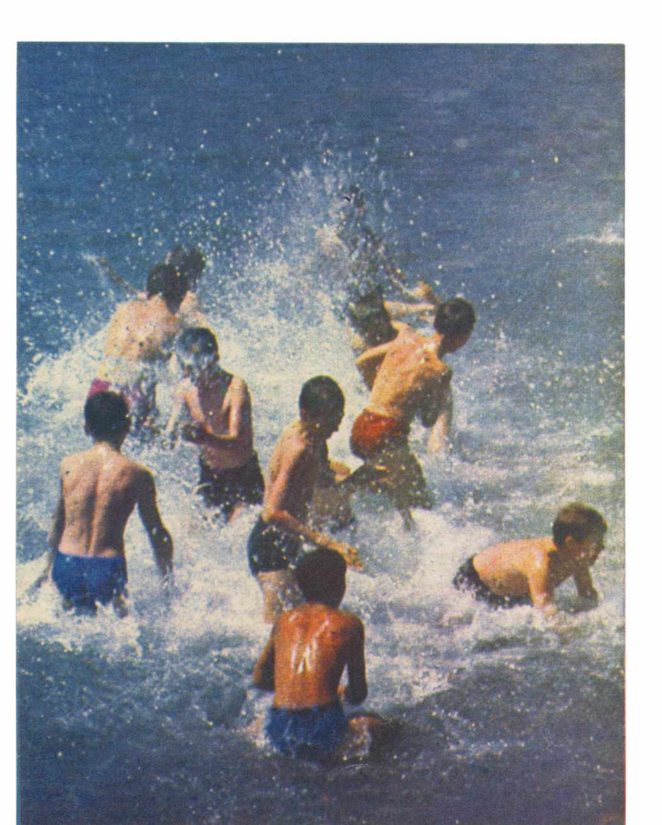
Этот лагерь называется «Морской».

На прогулку...

Тимур Фрунзе
ЯМ-10-805

Сражаются дружины «Лесная» и «Полевая».

— Мечтаю приехать сюда еще хоть один раз,— говорит Таня Самойленко.

В «Артеке» большое торжество — лагерь открыт!

У «Алмазной» сегодня костер...

Сначала на месте «Артека», что занимает сейчас триста двадцать гектаров Черноморского побережья, был небольшой палаточный лагерь с населением всего лишь в восемьдесят вихрастых мальчишек и девчонок. А сейчас за один только год сюда приезжает двадцать семь тысяч ребят. Из Москвы и Владивостока, с Крайнего Севера и Камчатки, из жаркой Индии и с далекой Кубы, из Польши и Венгрии в республику солнца и радостных улыбок мчится на поездах, летит на быстроходных самолетах, плывет на комфортабельных судах детвора. А вот дорога одной из первых артековцев, Л. М. Васильевой, была совсем другой.

— В «Артеке» я отдыхала в 1927 году вместе с другими марийскими пионерами,— рассказала она.— Сборы проходили в Краснококшайске. Железной дороги тогда не было. Ехали на лошадях. Потом на пароходе по Волге. Наконец, добрались до Москвы. В Москве нас расспрашивали, откуда мы, удивлялись нашей одежде — многие были в национальных костюмах, а на ногах лапти. По пути в Крым нас все занимало...

А Саша Безручко — артековец 1971 года. Живет он в небольшом рыбачьем поселке Стародубное, на Дальнем Востоке. И хотя дорога до «Артека» пролегла почти через всю страну, преодолел паренек ее, пожалуй, намного быстрее, чем Л. М. Васильева. От поселка до Южно-Сахалинска — на автомотрисе, потом на самолете через Москву до Симферополя. Здесь, на эвакопункте, Сашу направили в одну из десяти артековских дружин — «Кипарисную».

Надо сказать, что «Кипарисной» повезло больше всех. Так по крайней мере считают отдыхающие в этом лагере. Именно на его территории расположена пионерская пограничная застава. И охранять границу — от Высоких скал до Грибной поляны — поручено юным друзьям пограничников — ЮДП, одним из которых и стал Саша.

Ребята из «Лазурной» больше интересуются космическими делами. Их дружина носит имя дважды Героя Советского Союза В. М. Комарова.

В прошлом году ребята узнали, что в Ялте ошвартовалось научно-исследовательское судно, носящее то же имя, что и дружина, и познакомились с капитаном Борисом Николаевичем Борисовым. А потом команда корабля «Космонавт Владимир Комаров» взяла шефство над «Лазурной».

...Курятся палочки сандалового дерева, и витают на берегу Черного моря запахи далекой, экзотической Индии. Мы попали в необычную комнату: на стенах здесь развешаны национальные одежды, красочные сари, открытки, где изображены индийские города. В комнате только двое: черноволосый кудрявый юноша с карими глазами и долговязый русоволосый подросток. Это друзья — Авиджид Гуха и Сережа Холод.

Авиджиду двенадцать лет, приехал он из Калькутты. Как попал в «Артек»? Очень просто: в его родном городе объявили конкурс. Соискатели должны были представить сочинение на тему «Почему я хочу посетить Советский Союз?». Авиджид стал одним из победителей конкурса и получил премию — путевку в «Артек».

Сережу Холода к берегам Черного моря прислала 56-я саратовская средняя школа.

— У меня здесь много друзей,— говорит Сережа.— Честно говоря, надо назвать всех ребят нашей «Лесной» дружины. С Авиджидом я тоже здорово сдружился. В школе я изучаю английский язык. Вообще-то увлекаюсь химией и математикой и на язык особого внимания не обращал. А вот сейчас он мне очень пригодился. Сегодня в нашей дружине откроется выставка, посвященная Дню Индии.

Серьезные дела, которыми занимаются дети в «Артеке», отнюдь не мешают и отдыхать и даже время от времени напоминать своим вожатым, что не такие уж они паиньки.

Курьезный случай произошел как-то с девочками, уезжавшими из «Артека». Когда собрались в дорогу, чемоданы оказались такими тяжелыми, что даже двое ребят с трудом поднимали их. Оказалось, что они набиты прибрежной галькой!

Однажды в «Озерной» отдыхали дети с Кубы. Ребята захотели сами устроить карнавал — так, чтобы это было сюрпризом для взрослых. И действительно, устроили «сюрприз»: кубинская делегация появилась на сцене в экзотических костюмах, изготовленных из... листьев редкостных пальм, которые с таким трудом выращивались и сохранялись в «Артеке». Но ведь ребята, приехавшие из страны вечного лета, где пальмы растут сами по себе, не знали этого.

Каждый из юных обитателей «Артека» находит себе здесь любимое занятие, от которого его, как говорится, за уши не оттащишь. Любители потанцевать с удовольствием участвуют в конкурсах бальных танцев, желающие стать горнистами и барабанщиками могут даже получить тут звание инструктора. А вот Юра Гриднев из Ельца всю свою мальчишескую жизнь мечтал сесть за руль машины. И неизвестно, когда сбылась бы его мечта, не попади он в «Артек».

— Руку на руль, газ, выжимай сцепление! Смотри за дорогой, включи скорость, дай еще газку! — командует руководитель автокружка Владимир Кузьмич Юлаев.

А в это время девочки из кружка домоводства мастерят длинноухих зайцев, смешных, разномастных щенят, косолапых медвежат. Эти сувениры они готовят для венгерских друзей, в гости к которым поедет нынешним летом группа советских ребят.

...Взвиваются в небо ракеты и планеры, изготовленные руками артековских кружковцев, плывут по морю бутылки с запечатанным в них обращением ко всем людям мира, горит в ночном небе пионерский костер, разносится над землей звонкая песня... Шумит, бурлит жизнь в пионерской республике.

ФИЛЬМ О МУЖЕСТВЕ

Наталья КРАВЦОВА, Герой Советского Союза

...Передается сообщение ТАСС о гибели членов экипажа вертолета МИ-6 при тушении лесных пожаров во Франции. О гибели Героя Советского Союза, заслуженного летчика-испытателя СССР Юрия Гарнаева... Этим сообщением начинается и кончается документальный фильм «Люди земли и неба» (сценарист Б. Добродеев, режиссер С. Аранович).

Гибель летчика-испытателя... Что это? Случайность? Закономерность? Ни то, ни другое. Это — реальное проявление элемента риска, который как составная часть сопутствует профессии летчика-испытателя. Очень часто лишь опыт, мастерство и выдержка могут спасти летчику жизнь. Но бывают ситуации, когда и этих качеств недостаточно. Такая уж это работа. И выбирает ее не каждый, а только человек по-особому мужественный, беззаветно преданный своему делу. Человек неба.

Таким был Юрий Гарнаев.

...Летит вертолет на авиационную выставку в Париж. В кабине пилота — Юрий Гарнаев. Внизу проплывает родная земля. Потом чужие леса, реки, поля, разделенные на мелкие квадратики...

Пока Гарнаев летит во Францию, перед нами, короткими отступлениями в прошлое, проходит его жизнь.

Вот детство мальчика Юры. Семья, в которой он родился. Первый увиденный им самолет. Потом начало трудового пути. Кочегар, токарь... Аэроклуб без отрыва от работы. Обычная для молодых людей того времени дорога в авиацию...

От первого самостоятельного полета до последнего трагического — расстояние в три десятилетия. Нелегким был этот путь для Юрия Гарнаева. Несколько тяжелых лет он был лишен возможности летать... Человек сильной воли, он начинает все сначала. Упорно, шаг за шагом приближается к цели — летать! Гарнаев работает мотористом, заведует клубом в авиагородке... Наконец, ему доверяют испытывать катапульту (нужно ведь кому-то быть первым!). Начинается его вторая жизнь в авиации. Парашюты, самолеты, вертолеты, турболеты... Тренировочные полеты с космонавтами... Он был испытателем-универсалом.

...Вертолет прибывает во Францию. Грандиозная выставка в Ле Бурже. Затем — работа по тушению лесных пожаров. Гарнаев не первый раз работает за границей. У него за плечами большой опыт. И все же полеты в Альпах, в сложных горных условиях, где бушевали лесные пожары, оказались его последним испытанием...

Неторопливо, размеренно течет фильм. Без сенсационности, без надрыва. Все, что делает Гарнаев,— это будничная, каждодневная работа. И одновременно это подвиг, который продолжается в течение всей жизни...

В фильме гармонически сочетаются драматический сюжет, отлично подобранный текст, где герой сам рассказывает о себе, о своей работе; впечатляющий изобразительный материал и мужественно-спокойная музыка. Заслугой авторов фильма можно считать то, что они сумели, идя по пути художественного поиска, расширяя средства документального кино, воссоздать яркий образ нашего современника — Юрия Гарнаева, сделать его достоверным не только документально, но и психологически. Недаром на международном фестивале в Лейпциге осенью 1969 года фильм имел большой успех и был отмечен премией «Серебряный голубь».

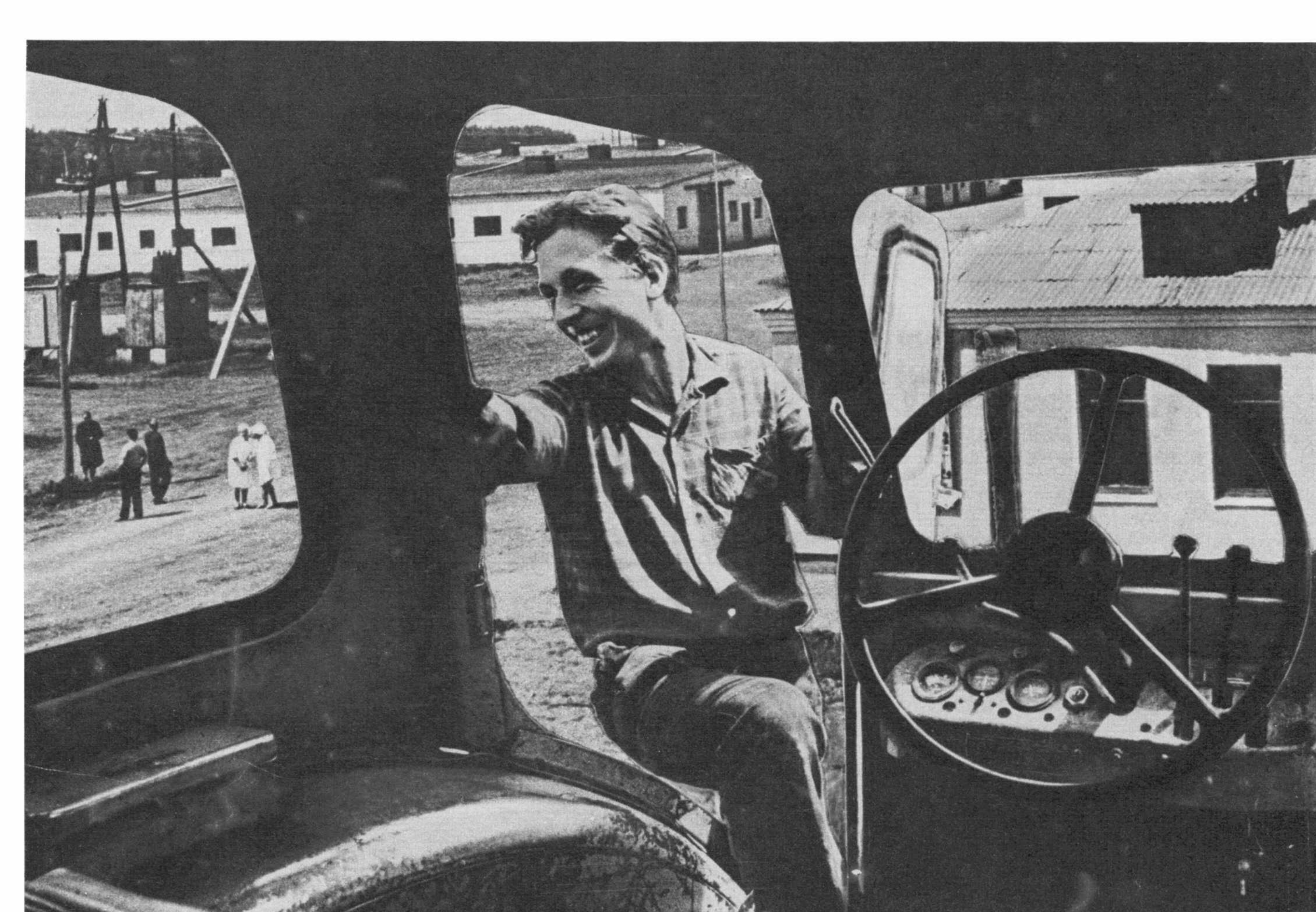
Сейчас лента «Люди земли и неба» выдвинута на соискание Государственной премии за 1971 год.

Так задумано...

ЛИПЕЦКИЙ ДИА

Первый секретарь Липецкого обкома КПСС Григорий Петрович Павлов беседует со специальным корреспондентом «Огонька» Николаем Быковым.

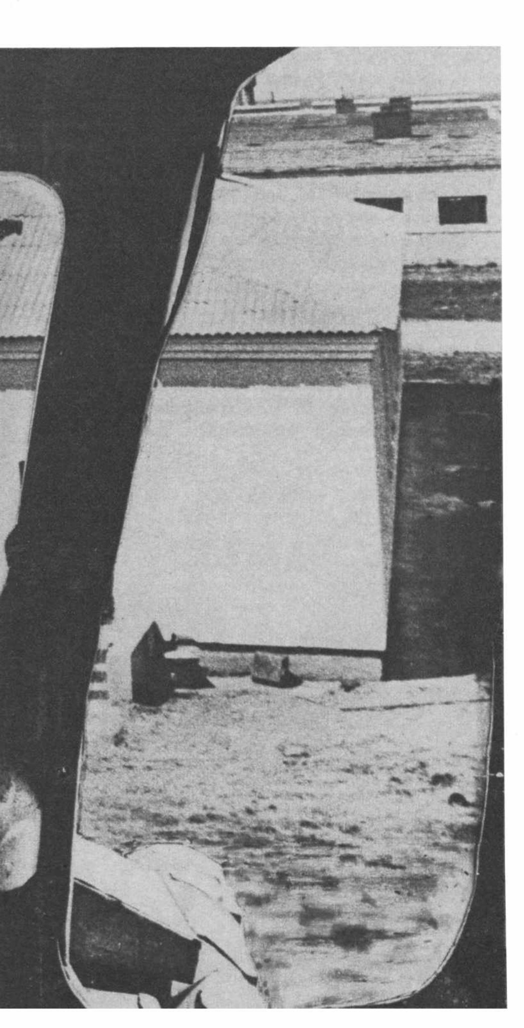
Фото Б. КУЗЬМИНА.

Николай Казаков в совхозе «Колыбельский» кормит сразу двести коров.

Комсомольский вожак совхоза «Колыбельский» Валентина Богданова.

ЛОГ

...Только-только начинают цвести липы. В старом барском парке до самого вечера стоит неумолчный гуд. Работают одновременно тысячи и тысячи пчел.

— Вот у кого надо учиться организации труда,— говорит Алексей Александрович Вишняков, председатель колхоза «Заветы Ильича».— У пчел! Строгое распределение обязанностей, каждый член семьи знает свой маневр. А главное,— заметил председатель с улыбкой,— занимаются только производством меда, все усилия коллектива подчинены одной этой задаче!

И мы снова заговорили о специализации. В нынешнем году в этом колхозе построен пчелиный комплекс. Я бы сказал — пчелоград! Рядом со старой пасекой в саду и в липовом парке поставлены почти две тысячи ульев. Да, две тысячи. Но колхоз планирует довести их число до шести тысяч. Это уже будет именно пчелоград со всеми приметами промышленного производства меда и сопутствующей ему продукции.

В Липецкой области вот уже лет семь почти повсеместно строят комплексы, подобные пчелиному в «Заветах Ильича»: свиноводческие, молочные, птицеводческие, плодово-ягодные... И все эти годы Липецкая область ведет интереснейший диалог с соседями, со всей страной. Выспрашивает, где что нового в преобразовании села, делится своим опытом, спорит, отстаивая свою точку зрения на пути дальнейшего совершенствования колхозной и совхозной экономики. Дело начато. Позади первые робкие шаги. Теперь специализированные хозяйства дают больше половины свинины, проданной областью. Они выполняют весь план по продаже яиц и фруктов. Но строительство животноводческих комплексов продолжается. И оттого-то трудно было встретиться для большого разговора с ПЕРВЫМ СЕКРЕТАРЕМ ОБКОМА ПАРТИИ. ГРИГОРИЙ ПЕТРОВИЧ ПАВЛОВ обычно задолго до начала рабочего дня уезжает в тот или иной район, где есть нужда на месте решить неотложные вопросы перестройки сельского производства. Но встреча была, и разговор возник сам собой — разговор о беспокойном поиске, о первых выводах, о новизне в жизни колхозов и совхозов области.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Григорий Петрович, в печати давно уже примелькались заголовки вроде «Фабрика молока», «Машины пришли на ферму», «Фабрика мяса», а ведь, по существу, только теперь, когда созданы первые животноводческие комплексы, можно без натяжки сказать, что в нашей деревне действительно появились фабрики мяса, молока и яиц. Водопровод в коровнике — это еще не решение проблемы в целом. И как часто мы умиляемся тем, что хозяйство имеет много отраслей, и закрываем глаза на то, что мелкие фермы малопродуктивны, а иные отрасли в данном хозяйстве просто убыточны. Но это же явная антиэкономика! Сейчас активно осуществляются высказанные еще Марксом идеи специализации и концентрации производства. Как эти проблемы решаются в Липецкой области?

Г. П. ПАВЛОВ. Заняться специализацией заставила жизнь. В нашей области не далее как в 1962 году почти все колхозы и две трети совхозов содержали и коров, и овец, и свиней, и разную птицу. Посудите сами — в области было более тысячи молочных ферм да столько же свиноферм и птичников, разбросанных по мелким деревням. Да и фермы-то эти напоминали скорее сараи, чем «фабрики» мяса и молока. Одни работали лучше, мы им вымпелы вручали, другие хуже, и мы таких склоняли в докладах, а ведь беда таилась в никудышной организации производства. Разбросанность, неуправляемость, наконец, бесконтрольность вели к обезличке, к тяжелому, примитивному труду, к убыткам. Все это тормозило развитие общественного производства. Дело дошло до того, что колхозам и совхозам невыгодно было производить мясо и молоко! Пасеки — и те приносили убыток!.. Какая уж тут экономика... Жизнь заставила разработать ясный, обоснованный план специализации и концентрации сельскохозяйственного производства. Одно без другого немыслимо. Важно было не просто из-

...И так после каждой смены на молочном комплексе колхоза «50 лет Октября».

бавить колхозы и совхозы от убыточных, мелких ферм, а перестроить хозяйства так, чтобы получить экономический эффект. Не размен свиней на коров или овец на кур, а создание комплексов. То есть концентрация производства молока, свинины, яиц, шерсти, меда, фруктов. Мы изучили различные варианты межхозяйственной и внутрихозяйственной специализации. Не спешили. И сам я и товарищи, наши специалисты и строители, побывали в Молдавии, в Институте животноводства Украинской ССР, в Белгородской области. Присматривались, расспрашивали, как и что, прежде чем выработали свой план размещения сельскохозяйственного производства по разным зонам области. Каковы первые итоги? Они отрадны и дают нам право на продолжение поиска. Несмотря на все трудности, создание агропромышленных животноводческих комплексов помогло нам с честью выполнить сельскую пятилетку. Мы, например, продали государству вдвое больше свинины! Намного увеличили производство зерна, молока, яиц, фруктов. В полтора раза увеличилась и производительность труда.

* * *

...В колхозе имени Ленина построен свиноводческий комплекс. Здесь на откорме двадцать пять тысяч свиней. Председатель колхоза Александр Николаевич Бабушкин рассказал, что комплексу уже пятый год. Колхоз теперь продает свинины в три раза больше, чем в прошлом весь Липецкий район. Втрое больше! За минувшую пятилетку только чистая прибыль составила здесь более шести миллионов рублей. Чтобы построить комплекс, колхозу пришлось обратиться в банк, взять кредит — четыре миллиона рублей на двадцать лет. Сделка выгодна и для государства, потому что Бабушкин уверен, что он рассчитается уже за десять лет. Каков же его расчет? Чистая прибыль вдохновляет! Выгоднее не останавливаться, а расширять комплекс, строить механизированные свинарники еще и еще. И при этом решили вести откорм своими кормами. Где взять земли? Объединились с соседним колхозом имени Орджоникидзе, поставили себе целью поднять урожайность зерновых до тридцати центнеров. И вообще шестьдесят пять процентов пашни (из десяти тысяч гектаров!) заняли нынче зерновыми. За горох и гречиху тоже можно получить пшеницу от государства. И тогда уже в 1972 году, то есть на три года раньше, колхоз выполнит задание — произведет тридцать пять тысяч центнеров свинины, полностью освоит расширенный комплекс...

* * *

КОРРЕСПОНДЕНТ. Григорий Петрович! То, что сделано у Бабушкина, достаточно убедительно. Недаром, очевидно, Александр Николаевич назвал свой комплекс фабрикой денег. Но он же рассказал и о трудностях строительства. Без помощи города, без помощи промышленных предприятий построить такие комплексы за короткий срок практически нельзя, это ясно. Бабушкину помогли липецкие заводы, и рентабельность свиноводства поднялась у него до ста тридцати процентов. Как помогают липецкие горожане деревне?

Г. П. ПАВЛОВ. Мы в большом долгу перед деревней. Она часто, слишком часто отдавала городу все свои материальные и людские ресурсы. Липецкая область и в этом отношении характерна. Бывший райцентр всего лишь за семнадцать лет превратился в крупный индустриальный город. Всей стране известна липецкая Магнитка, прокатный стан «2000», наш тракторный завод, предприятия большой химии... В городе, на заводах и на стройках работают вчерашние жители села. Социальная структура населения в области резко изменилась за последнее время. Кстати, это еще одна причина того, что мы пошли по пути создания комплексов: в селе давно ощутима нехватка рабочих рук. И, конечно, такой растущий, молодой город, как Липецк, не мог не участвовать в нынешней, пока еще неглубокой индустриализации сельского производства. Главная трудность — материальное снабжение. Коллективы металлургического, тракторного заводов, заводов стройматериалов — все, все участвуют в строительстве агропромышленных комплексов. Помощь селу — задача всенародная, таков курс партии. Рабочие, инженеры разъехались по селам, и отнюдь не с пустыми руками. К 1975 году в области предполагается построить сто семь комплексов. Конечно, колхозам и совхозам в одиночку с таким объемом строительства и монтажа оборудования не справиться. Промышленность области помогает им и материалами и техникой. Заводы изготовляют часть оборудования для полной механизации животноводства, монтируют, строят котельные, кормокухни, посылают машины, краны, бульдозеры, бетономешалки.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Я согласен с вами, Григорий Петрович, что специализация и концентрация производства предполагают совершенно иной, более высокий уровень культуры обслуживания того же самого производства. Дело, как я понял, не в том, чтобы пять ферм свести под одну крышу. Тут неизбежны новые проблемы, и прежде всего связанные с квалификацией тех, кому доверят новую технику и аппаратуру, и проблемы технической грамотности персонала. Я понял, что город Липецк готов к тому, чтобы помочь перевести сельское производство на промышленные рельсы. Готово ли липецкое село принять новые формы — «городские» — организации труда, готово ли оно к техническому оснащению на иной основе, на ином уровне?

Г. П. ПАВЛОВ. Агропромышленные комплексы — это еще и вопрос кадров. Прежде всего человек, потом уже машина, как бы хороша она ни была. И этот человек должен осознать, что работать по старинке теперь уже нельзя. Молочный завод в колхозе «50 лет Октября» — это действительно завод, а не былой сепараторный пункт. Здесь молоко собирают, охлаждают, пастеризуют, выравнивают по жирности, сепарируют, расфасовывают. И отправляют в «свои» магазины. Комплекс в совхозе «Красный колос» — это настоящая птицефабрика с размахом и ритмом жизни, характерными именно для промышленного предприятия. Короче, изменились условия труда, а вместе с ними и быт людей, самый уклад жизни в хозяйствах, где созданы комплексы. Пришли иные люди — потребовалась иная оплата труда, учитывающая и стаж работы и квалификацию работника. В село потянулись те, кто когда-то уехал в город. Место птичниц заняли операторы, место доярок — мастера механи-

Большая стройка — большие заботы. У председателя колхоза имени Ленина А. Н. Бабушкина и начальника стройучастка В. В. Штиньовского много проблем, требующих немедленного решения.

ческой дойки, способные управляться со сложным оборудованием.

* * *

КОРРЕСПОНДЕНТ. Нередко бывает так, что машин прибавилось, а людей все столько же. На одном комплексе, например, в колхозе «50 лет Октября» одна доярка доит двадцать пять коров, а на таком же комплексе в совхозе «Колыбельский» почти семьдесят! Три женщины обслуживают двести коров! Но и здесь, как рассказал директор Николай Федорович Дроздов, всего лишь тридцать процентов рабочего времени (или пусть даже чуть больше) уходит у доярки собственно на дойку, а остальное время? Она либо занята не своим делом, либо ничем не занята. Значит, существует явная возможность еще больше увеличить ей нагрузку. Стоит правильно организовать труд, обучить человека еще лучше использовать оборудование, и он будет доить сто коров! Каково ваше мнение по этому поводу?

Г. П. ПАВЛОВ. Я хочу обратить ваше внимание на то, что в колхозе «50 лет Октября» на молочном комплексе сначала были заняты двадцать человек, теперь же осталось тринадцать. А будет там людей еще меньше. Опыт, как говорится, дело наживное. Взять котельную на этом же комплексе. Непростое предприятие, раньше таких в селе не было. И, конечно же, сейчас там работают несколько операторов, лаборанты. Пройдет какое-то время, люди освоятся с техникой, и тогда в котельной останутся только двое — те, кто себя покажет лучшим специалистом, способным работать в напряженном ритме. А в принципе вы правы, бывает, что оборудование рассчитано на узкий круг персонала, а мы держим втрое больше людей там, где должна работать и работает автоматика. Но, повторюсь, опыт организации труда — дело наживное. Дорого то, что приходят в колхозы люди с новыми для села профессиями. В тот же колхоз «50 лет Октября» вернулись более сорока человек! В основном мужчины, работники высокой квалификации.

КОРРЕСПОНДЕНТ. В колхоз имени Ленина, мне Бабушкин рассказал, за последнее время вернулись почти четыреста человек. На свиноводческом комплексе здесь средний возраст работника — двадцать пять лет, есть тут даже своя комсомольская организация. И сейчас еще около тридцати юношей и девушек учатся в техникуме по путевкам колхоза. Каково социальное значение новых, индустриальных комплексов в деревне?

Г. П. ПАВЛОВ. Они вызвали к жизни огромные силы, ранее дремавшие. За ними будущее. Это — явление не только хозяйственно-организационное, но политическое, глубоко социальное. Комплексы заставили пересмотреть севооборот, четко отработать новые принципы планирования, они буквально заставили строить дороги, столовые, душевые для работников, а на деле и для всех односельчан. Люди, особенно молодежь, увлечены реальной возможностью приобрести «городскую» профессию, жить и работать «по-городскому», оставаясь в родном селе. То есть строго нормированный рабочий день, два выходных и прочие культурно-социальные блага...

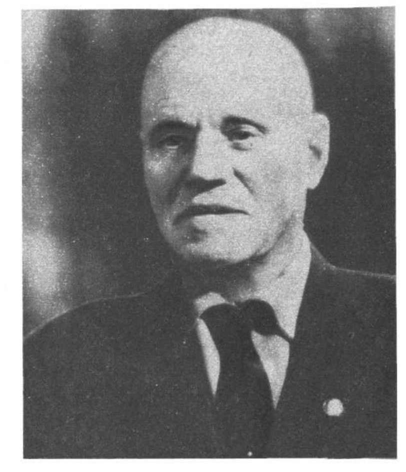
* * *

Таково вкратце содержание липецкого диалога. Далеко вперед смотрят люди этой области. Их упорство, труд окупятся сторицей.

РЯДОМ С ИНТЕРЕСНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

ЕГО ПОСЛАЛ ЦЕНТРОБАЛТ

Ю. НАУМКИН,
сотрудник МВД СССР

Трифон Иванович Фатеев.

...Фойе Театра имени Ленинского комсомола переполнено. Сегодня спектакль «Конец Хитрова рынка».

Третий звонок, свет гаснет, взлетает занавес.

На сцене с первых секунд развертывается смертельный поединок между бандой Якова Кошелькова и небольшим отрядом уголовного розыска, руководимым опытным чекистом большевиком Медведевым. Стремительная лавина событий, калейдоскоп лиц, характеров. Зрители восхищаются героизмом и мужеством людей, ставших в первые годы Советской власти на защиту завоеваний народа, сочувствуют, гордятся, ненавидят...

А пожилой человек, сидящий в ложе, взволнован, пожалуй, больше других. События, развертывающиеся на сцене,— его молодость. Он, Трифон Иванович Фатеев,— непосредственный участник тех событий.

...Москва, 1918 год. Голод, беспризорщина, забитые крест-накрест витрины магазинов, тревожные сводки с фронтов гражданской войны. Сотни московских рынков, притонов, ночлежных домов забиты нищими, ворами, бродягами. Их ряды недавно пополнила целая армия уголовников, выпущенных из царских тюрем. Это — явное предательство. Временное правительство мотивировало сей акт довольно тонко и демагогически: «...обновлением светлой жизни и для тех граждан, которые впали в уголовные преступления».

«Обновление жизни» ознаменовалось тем, что в нищей России появились многочисленные, хорошо вооруженные банды, специализировавшиеся на убийствах, ограблениях, разбоях.

Необходимы были срочные меры. Центробалт в декабре 1917 года принял решение срочно направить в Московский уголовный розыск моряков Балтики, преданных делу революции, испытанных в боях. Они и составили большевистское ядро Московского уголовного розыска.

Фатеев прибыл в Москву в мае 1918 года и тут же был направлен в органы Московского уголовного розыска. Оперативный отдел МУРа по Рогожско-Симоновскому району, начальником которого был назначен Фатеев, пожалуй, мало чем отличался от отделов остальных шести районов Москвы. Работа тогда везде была трудная и опасная. Однако в Рогожско-Симоновском районе особенно опасно было еще и потому, что здесь находился печально знаменитый Хитров рынок. Вот как рисовал его Владимир Алексеевич Гиляровский: «Большая площадь в центре столицы, близ реки Яузы, окруженная облупленными каменными домами, лежит в низине, в которую спускаются, как ручьи в болото, несколько переулков. Она всегда курится. Особенно к вечеру. А чуть-чуть туманно или после дождя поглядишь сверху, с высоты переулка — жуть берет свежего человека: облако село!

Спускаешься по переулку в шевелящуюся гнилую яму...»

Но это, так сказать, физический облик Хитрова рынка. Душа же Хитровки была не менее туманной и гнилой. Еще до Октябрьской революции Хитров рынок был символом захлестывавших Москву бродяжничества и преступности.

...Трифон Иванович Фатеев вспоминает первые боевые операции, первое боевое задание, первые столкновения с бандитами, налетчиками. Хитровка тогда необычайно разрослась. Здесь могли найти приют и ночлег до десяти тысяч человек. Искать преступника на Хитровке все равно, что искать иголку в стоге сена. Тем более днем, когда рынок спал, отдыхал после ночных бдений, «сухих» и «мокрых» дел. А ночью он вновь оживал. По темным, зловонным закоулкам бесшумно скользили тени, в мрачных углах шушукались торговцы спиртом, наркотиками, живым товаром, там и тут в сырых, нетопленных развалинах шла жестокая картежная игра.

Были здесь и свои «аристократические салоны». Самый роскошный содержала Анна Кузьминична Слобоженинова. Мелким бродягам, карманщикам, всякой швали вход в ее ночлежный дом был заказан. Темными ночами к невысокому дому Анны Кузьминичны с грохотом подкатывали лихие тройки, люди в роскошных одеждах входили на порог вертепа и исчезали за невысокой сводчатой дверью. Это были главари преступных банд, знаменитости, имена которых произносились шепотом. Сюда же приезжали денежные тузы, карточные аферисты, проститутки, известные московские кутилы. Дом превращался в шумный, разгульный притон. Если бы этот дом сохранить как музейную редкость, как напоминание о страшном прошлом, то на дверях многих комнат можно было прибить памятные дощечки с надписями: «Здесь ночевала Сонька Золотая ручка», «Здесь отлеживался, раненный в схватке с чекистами, Мишка-Чума», «Здесь схвачен Яков Кошельков».

Преступниками того же калибра были братья Морозовы, Павел и Сергей. Они появились в Москве в самый разгар голода, зимой. Здесь, в дебрях Хитровки, кулацкие сынки довольно быстро сколотили большой, хорошо вооруженный отряд головорезов и, как смерч, закружились по городу. За один месяц банда Морозовых убила более 70 человек. Население Рогожско-Симоновского района было терроризировано. Три месяца напряженной, самоотверженной борьбы потребовалось для того, чтобы полностью уничтожить банду Морозовых. Чувствуя близкий конец, братья подались в родные места, под Калугу. Трифон Иванович Фатеев с группой оперативных сотрудников продолжал преследование. Там, в глухих калужских лесах, бандиты нашли свой конец: были убиты при попытке к бегству.

Позже память человека, сидящего в ложе театра, воскресит еще одно событие, которое могло стать для него роковым.

Взбешенные постоянными преследованиями и арестами, бандиты, предводительствуемые знаменитым Мишкой-Чумой, приговорили Фатеева к смерти. И когда Трифон Иванович отдыхал дома, Мишка-Чума явился к нему собственной персоной. Фатеев был застигнут врасплох. Безоружный, сидел он за столом и смотрел на двух вооруженных мужчин, стоящих у двери. Мишка-Чума подошел к Фатееву, ткнул дулом пистолета в грудь и спросил: «Вы Фатеев?»

«Нет, не я»,— последовал ответ.

Мишка-Чума остановился в раздумье.

Второй бандит, оставшийся возле двери, пристально глядел на Трифона Ивановича, потом неуверенно произнес: «Нет, кажется, не он». И бандиты вышли из комнаты...

Потом была трудная операция по задержанию извозчика Иванова-Петрова, ввергшего в панику

Москву 20-х годов бесчеловечными убийствами; затем — арест отца знаменитой Соньки Золотой ручки. Это был крупный авантюрист, причинивший много неприятностей московским нэпманам.

Необычайно трудной была в те годы работа Т. И. Фатеева. Много осталось в его памяти событий тягостных, даже трагических, но были и радостные, согревавшие душу.

Навсегда запечатлелась в сердце Трифона Ивановича одна встреча того времени, продолжавшаяся всего две минуты, но заставившая его заново осмыслить свою жизнь.

В то время Фатееву случалось оставлять на время чекистскую работу и заниматься снабженческими делами. Москва голодала, хлеб приходилось искать в потайных кулацких закромах и с риском для жизни доставлять в столицу.

В этот раз поездка была более чем удачной. Фатеев возвращался из Ейска и вез в Москву 38 вагонов пшеницы. В Ейске незадолго до отхода поезда к Трифону Ивановичу подошла молодая женщина, сопровождающая слепого старика.

— Товарищ Ленин хорошо знает моего дядю. Передайте это письмо Владимиру Ильичу.— И женщина протянула Фатееву маленький треугольный конверт.

— Кто же ваш дядя, почему его должен знать Владимир Ильич? — удивленно спросил Трифон Иванович.

— Как же Ленин может не знать участника покушения на Александра II? — недоуменно отозвалась женщина.

Когда пшеница была доставлена в Москву, Трифон Иванович отправился с докладом в Кремль.

— Владимир Ильич очень занят,— сказала секретарь,— в вашем распоряжении всего две минуты.

Фатеев вошел в большой, светлый кабинет, Ленин стоял около письменного стола. Фатеев рассказал о выполнении задания, а затем передал Владимиру Ильичу письмо из Ейска. Прочитав письмо, Ленин спросил, видел ли Трифон Иванович сам того товарища.

— Да, видел, Владимир Ильич...

Автором письма был Аркадий Тырков. Тут же последовало следующее распоряжение:

«В Наркомзем и Наркомпрод.

22.VI. 1920 г.

Предлагаю обеспечить гражданина ТЫРКОВА, одного из последних могикан геройской группы народовольцев, участника мартовского процесса об убийстве Александра II,— ныне гражданин Тырков в весьма преклонных годах —

двумя-тремя десятинами земли из бывшего его имения и 2 коровами для его семьи.

Распоряжение провести спешно народному комиссару земледелия т. Середе

и народному комиссару продовольствия т. Цюрупе (или его заместителю) по соглашению, ПО ТЕЛЕГРАФУ, с местным губисполкомом.

Пред. СНК В. УЛЬЯНОВ (Ленин).

Прошу наркомов подписаться: согласны или нет?»

Вот эту-то встречу, происшедшую 22 июня 1920 года, Трифон Иванович вспоминал много лет спустя в Театре имени Ленинского комсомола на премьере пьесы А. Безуглова и Ю. Кларова «Конец Хитрова рынка», повествующей о героических днях его молодости.

„ДИКИЙ ПОСЕЛОК"

Лариса ФЕДОРОВА

Рассказ

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

С тех пор, как отправили письмо, прошел месяц. Подписали письмо даже те, кто не соседствовал с Озолиной, а издалека наблюдал ее поведение. Подписали — и забыли. Даже вроде успокоили себя тем, что все-таки выполнили свой долг — вступились и за старуху и за те комиссии, которые по озолинским сигналам понапрасну частили в поселок.

Если кто и ждал ответа из редакции, так это Вера и старуха. Вера потому, что была депутатом и беспокоилась о поселке, оказавшемся на незаконном положении, а старуха — как лицо потерпевшее. Каждый день приходилось носить воду путем, в три раза длиннее прежнего. Обзавелась коромыслом — диковинкой в наше время. Ведра болтались на нем во все стороны, обильно поливая сугробы.

Тяжело переносила зиму Вера. Чем ближе к весне, тем труднее было ей преодолевать соблазн поваляться в постели...

— Ну, полежи денек,— догадываясь о ее слабости, говорил Иван, уходивший утром в депо.— Наплюй на все кухонные дела, я и на молоке перебьюсь.

— Нет, нет,— пугалась Вера.— Ложиться я не стану. Мне одна в больнице про себя рассказывала. Осталась денек полежать — да с тех пор и не поднимается. А мне еще в облисполком насчет поселка ехать. Все-таки решили мы требовать отчуждения от лесничества... Да и бабушку Мурашову, пока жива, не оставлю, видеть я не могу, как она с водою мыкается.

В облисполком она съездила, попав на прием к заместителю, рассказала ему о положении поселка, в котором живут рабочие люди, и вручила ходатайство от поселкового Совета, а также райсовета — чтобы оформили поселок на госфондовских землях.

Она ждала, что здесь, в облисполкоме, ее станут ругать, что не поставили этот вопрос раньше, но заместитель, внимательно прочитав ходатайство, не задал ей ни одного вопроса.

— Ясно,— сказал он,— к весне решим. И сделал пометку на раскрытом настольном календаре.

После небольшой передышки, повременив денька два, все еще с хорошим настроением от своей удачливости, решила Вера наведаться со своей подопечной старухой в редакцию.

— Подождали бы до марта: смотри, буран какой,— уговаривал жену Иван.

— Нечего ждать. Степанычев дачник очень хорошо все изложил, небось, ждут в редакции, что мы за ответом явимся. Оденемся потеплее, вот и все.

И действительно оделась так, словно собралась на Северный полюс: свитер натянула на свитер, чулки — на чулки, на голову — пушистый шарф да еще на случай ветра лисий воротник подняла. В таком виде и пошла за старухой.

— Поедем, тетя Паша, в редакцию, узнаем, что и как там...

Старуха засуетилась в холодной своей кухоньке, где пахло мокрым каменным углем.

— Ну-к, что же, я сейчас... Надо, конечно, узнать. Под лежачий камень вода не течет. Вот насчет комнаты писали мы с тобою, помнишь? Пошла я тут недавно в свое бывшее управление. И что ты думаешь? Как в точку мы с тобою попали. Строят они жилой дом от Москвы на третьей остановке...

— Обещали?

— Так разве они толком скажут? Учтем, говорят, вот и все.

— Может, тогда не ездить? — прямо спросила Вера.

— Ну, уж нет, не на такую Озолина напала! Умру, не отступлюсь, потому как моя правда, не ее!

Старуха привычно влезла в поношенное пальто, потом, подняв руки, как бы охомутала себя толстой суконной шалью. Последним, завершающим жестом, она охлопала могучие бока, проверяя, звенит ли в кармане мелочь.

Окончание. См. «Огонек» № 32.

— Все. Поехали!

Тропка до станции оказалась совсем потерянной под ровной, как заутюженной, снеговой заметью. Видно, снег валил всю ночь и даже после того, как к станции прошли утром жители поселка. Пока добрались до платформы, вымотались.

— Ох, баба,— посмотрев на Веру, брякнула старуха,— и в чем только твоя душа держится?

В поезде отдышались, поговорили о деле, чтобы не запинаться при разговоре в редакции, и когда сошли в Москве, горели одним желанием: действовать незамедлительно.

Москва встретила их февральским месивом бурого, смешанного с водой снега. В этой кутерьме как-то празднично светились на лотках оранжевые горки апельсинов.

— Взять бы хоть килограммчик,— вдыхая аппетитный апельсиновый дух, сказала старуха.

— Потом, потом, тетя Паша,— тянула ее за собой Вера.— Сначала, как договорились, дело.

— Целыми сетками берут, как оголодали, пока ходим, ничего и не останется. До чего народ питаться стал, ни в чем себе не отказывает! Прежде мы в деревнях и не слыхивали про эти апельсины.

Редакция помещалась в центре города, в старинном здании. Широкая белая лестница вела на второй и третий этаж. Старуха, чтобы не наследить, пошла возле самых перил, приотстала от легкой, быстрой на ногу Веры.

— Иди вперед, узнавай!— крикнула ей снизу старуха.

Пока она одолевала лестницу, Вера оглядела весь длинный коридор, с бесконечными табличками. За многими дверями слышался стрекот пишущих машинок. «Надо в приемной спросить»,— сообразила Вера, увидев перед собою очередную табличку, и вошла в просторную, устланную коврами комнату.

— Вы к кому?— спросила ее секретарша, тоже стрекочущая на машинке.

Вера сказала, что в редакцию было послано письмо, но с ответом что-то задержались.

— Это в отдел писем, комната двадцать три.

Пришлось вернуться к лестнице и подождать часто отдыхающую на ступеньках тетю Пашу.

— Ну, тетя Паша, а еще меня критиковала. Мы с тобой друг друга стоим.

— Да ведь если бы не жир... У нас в роду все крупные, и не один в постели не умер, на ходу мерли. Куда теперь?

Вера сказала.

— Ладно, сейчас передохну, а то как паровоз. Где бы у них тут посидеть малость?

Между тем в коридоре, дотоле тихом, если не считать стрекота машинок за дверями, началась беготня.

— Костя!— крикнул какой-то парень, чуть не сбивший с ног Веру.— Костя, ты где? Беги скорее, Прага на проводе!

И то ли Костя, то ли не Костя помчался к телефонной будке, пробежал еще один, с раскрытым блокнотом, в спортивном свитере. Следом за ним порхнула в будку девица с тетрадочкой.

— Ну и суета,— сказала старуха, найдя все-таки в коридоре желанный стульчик.— Как в нашем железнодорожном управлении. Слышь-ка, Вера, может, и не до нас им, а?

— Да в какой редакции тихо бывает, на то и газета. Чего ты испугалась?

В мире происходило что-то важное, требующее безотлагательных решений, и дачница Озолина и дела ее выглядели мелкими. Но тогда и бабушка Мурашова, трудившаяся всю жизнь в вагонах поездов дальнего следования, бабушка Мурашова, не дождавшаяся с войны двух сыновей, на этом фоне тоже выглядит неприметной? С этим Вера согласиться не могла.

— Ладно, тетя Паша, раз ты сомневаешься, то я одна пойду. Сиди тут, отдыхай. Зря ты валенки надела, небось, все ноги мокрые?

Отдел писем помещался в небольшой комнате, тесно уставленной ящиками с картотекой. За письменным столом, близоруко наклонившись над стопкой конвертов, сидела седоватая женщина.

— Присаживайтесь, я сейчас. В понедельник у нас очень большая почта. Что у вас?

Вера кратко объяснила.

— Помню!— встрепенулась женщина. У нее были живые карие глаза, молодившие ее.— Мы это письмо на летучке читали. Поспорили даже. И многие отнеслись с недоверием: как это можно в дни больших космических завоеваний заниматься какими-то мелкими земельными захватами?..

— Вот именно. Мы об этом и писали.

— Нет, не об этом. Голубушка, милая, не обижайтесь. Хотите, я покажу вам десятки писем, где люди гордятся друг другом, совершают подвиги.

— Не все совершают подвиги.

— Знаем. И мы боремся за то, чтобы са-

моотверженных людей было больше, иначе грош нам цена. Но это не значит, что на жалобы мы не реагируем,— спохватилась женщина.— Обязательно реагируем. Сейчас я подниму картотеку и скажу, что сделано по вашему письму. Только напомните, как называется поселок.

Вера сказала, и женщина проворно подбежала к одному из ящиков и по алфавиту отыскала, что требовалось.

— Вот, пожалуйста. Ваше письмо направлено в жилищно-эксплуатационную контору, где проживает Озолина. Сюда же приколот ответ из этого жэка за подписью секретаря парторганизации товарища Егорова. Сейчас, минуточку...— Шевеля губами, она прочитала ответ про себя.— Да, значит, так. Для расследования вашей жалобы была создана комиссия из ветеранов партии, проживающих там же. Они выезжали в поселок, беседовали с жителями, в результате чего факты не подтвердились.

— Кто, кто выезжал? — не сразу поняла Вера.

— Пожилые, весьма уважаемые люди.

— Никто у нас не был.

— Да не с потолка же у меня эти сведения! Моя картотека образцовая.

Вера на минуту задумалась. Произошло какое-то недоразумение... Неужели не нашли поселок? Так тоже могло быть. От станции он далеко, да еще заносы.

— Вот так,— назидательно сказала женщина.

— Никто у нас не был, это точно. А редакция нам даже и слова не написала, специально ехать пришлось.

Заведующая отделом писем смутилась.

— Да, да, это, конечно, упущение, надо было написать вам... Впервые со мною такой случай. Но я рассуждала, что поскольку факты не подтвердились...

Вера оскорбленно поднялась и пошла к двери.

— Нет, нет, вернитесь, прошу вас. Сейчас мы все исправим,— искренне заволновалась заведующая, поняв, что перед нею не стандартный жалобщик.— Вы что — никогда не ошибались? Ну, упущение, сознаю. Сядьте, я сейчас по телефону свяжусь. Попрошу товарища Егорова быть на месте, и вы пройдете к нему, это совсем рядом, на соседней улице.

Вера вышла к бабушке в коридор.

— Путаница получилась с нашим письмом. Не знаю, что и подумать. Говорят, комиссию к нам присылали, а кто ее видел?

— Темнят,— коротко определила старуха.

Когда они уже вдвоем вернулись в отдел писем, заведующая, вполне оправившаяся от смущения, рассказала им, что товарищ Егоров ожидает их в красном уголке жэка, что комиссия ветеранов в поселок все-таки ездила и о подробностях они узнают на месте.

Оказалось, что Марию Михайловну Озолину в десятом жэке знали хорошо.

Вера кратко рассказала, как Озолина из обыкновенной дачницы сделалась дачевладелицей, не соразмерив своего строительного размаха с наличием всего трех соток земли.

— Вот и судите: можно ли так размахиваться?

— Не знаю,— сказал Самсон Аполлинариевич Егоров (она сразу запомнила его имя, как редкостное).— Не видал.

— А кто видал?

— Кто видал, того сейчас и спросим.— Егоров потянулся к телефону.— Алло, это ты, Иван Петрович? Спускайся вниз, тут женщины из поселка пришли. Ну, из того, куда ездили. Не сможешь? А что так? Грипп и у меня, куда от него денешься. Надо прийти, Иван Петрович,— строго сказал он и повесил трубку.

— Вы Озолину позовите,— подсказала Вера.— Какой же разговор без нее?

— Вызовем, успеется,— нехотя отозвался Егоров. Щетинка казацких усов очень шла к его русому чубу и черным молодцеватым бровям.— Ну, так что там еще?— спросил он Веру.

— Да вы письмо-то наше читали?

— Читал. Много лишнего написано.

— Лишнего,— проворчала старуха.— Да мы еще не все там обсказали.

— Здравствуйте!— бодренько раздалось с порога.— Это вы из поселка пожаловали? Вот нетерпеливый народ, в такую-то вьюгу...

Маленький, чистенький старичок в черном дубленом полушубке и белом шарфе домашней вязки легким касанием ладони обласкал всех, кто находился в комнате. Под насупленными бровями посверкивали голубые глаза.

Он сообщил, что взял на себя смелость для пользы дела пригласить еще Павла Харитоновича, поскольку расследовать заявление на Озолину было поручено им двоим...

— И Озолину бы позвали, мимо ее квартиры шли,— слегка попенял товарищ Егоров.

— Да мы с нею уже виделись в булочной. Час тому назад,— виновато сказал Иван Петрович, вполне сознавая, что это отнюдь не объяснение, почему он не позвал Озолину.

«Они просто не любят ее»,— догадалась Вера.

Не успела она так подумать, как распахнулась дверь. Павел Харитонович в черном драповом пальто и черной каракулевой шапке «пирожком» предстал, как могучий дуб из речной долины, обильно вспоенный родной влагой и заматеревший в постоянной борьбе с ветрами. Тяжелая иконостасная борода опадала на его бравую грудь, как бы предназначенную для боевых наград. С бородою сливались усы, с усами — бакенбарды. Серебряный бог, а не Павел Харитонович!

— Ну, что еще за неясности? — начальственно спросил он, поздоровавшись с порога.

Егоров, привставший при его появлении, больше уже не садился. Встать захотелось даже Вере, потому что она опять с новой силой ощутила в себе трепет перед ветеранами.

— Да вот обижаются женщины, что не поговорили с ними, когда выезжали на место,— доложил товарищ Егоров.

— А мы в поселке не были. Зашли сначала в поселковый Совет, поговорили с председателем. С этим поселком он и сам в затруднении. Земли леснические, а налог платят поселковому Совету. Надо ставить вопрос об отчуждении этой земли от лесничества, и, разумеется, не жэку ставить вопрос, а...— Павел Харитонович с предельной искренностью развел руками.— Представьте, до сих пор не знаю, кому этот вопрос надо ставить.

— Значит, вы к нам не ездили?— перебила его Вера.

— Мы хотели. Подошли к станции, а Ивана Петровича кашель забил. Слова человек вымолвить не может. Ну, куда его тащить? Дождались поезда на Москву — и обратно.

— Снежно было в тот день,— виновато объяснил Иван Петрович, потому что все присутствующие в комнате воззрились на него.— Меня всю зиму грипп мучает. Каюсь, из-за меня в поселке не были.

Все, что сказал Павел Харитонович, а потом Иван Петрович, было правильным. И о земле правильно, и о налоге, и о том, что это ни к черту не годится — такой порядок. И, конечно же, никто не подверг сомнению пургу в тот день и тем более здоровье хрупкого старичка. Все было правильным. Но почему-то стыдным. Потому что выводы жэковской комиссии уже отосланы в редакцию.

Маленький старичок застенчиво кивал, подтверждая, что весьма сожалеет о таком случае, и Вера с искренним к нему расположением сказала, чтобы он не расстраивался. Потеплеет —съездят. Не за себя она переживает — за бабушку. Озолина—юрист, как же она позволяет себе присваивать чужие участки?..

Маленький старичок выслушал ее несколько смущенно, тогда как сановитый старец сразу недовольно кашлянул и даже свел к переносице лохматые седые брови.

— Ничего товарищ Озолина не присваивает. У нее план на десять соток, а фактически шестью пользуется. Редакции ответ дан. Все!— Последнее слово он как бы припечатал к столу ладонью.

Вера опешила.

— Фальшивый план!— крикнула она старцу.— Что она с этим планом носится, неизвестно кем заверенным?..

— Смотрели мы этот план,— смущенно сказал Самсон Аполлинариевич.— Печати, подписи все на месте. А вот что в поселок не выехали — это дело меняет.

— Не меняет!— отрезал Павел Харитонович.

Маленький старичок молчал.

— Надо бы съездить,— нерешительно сказал Егоров.— Поговорить с депутатом...

— Да вот наш депутат,— сказала старуха, показав на Веру.— Восемь лет на голосование выставляем.

Все почему-то удивились, и больше всех Павел Харитонович.

— Вот не подумал бы. Очень у вас вид такой... домашний, что ли. Государственности в речах нет.

Смущенная Вера не успела ему возразить или оправдаться, как старуха, отшвырнув стульчик, вылетела на середину комнаты.

— Вишь, как дело повернули: депутат плох. Ты его выбирал? Нашенский это депутат, народный. А что речей не держит, так не в речах дело. Эх ты, седина!.. Видать, давно из народа вышел, позабыл что к чему.

И тогда Павел Харитонович захохотал. Он хохотал в полном одиночестве, вскинув веер серебряной бороды кверху. Не весело было от этого смеха, скорее, неловко.

— Вот отбрила старика! Сдаюсь, мать, сдаюсь!

Но трудно было утихомирить бывшую проводницу.

— Да, да!— выкрикивала старуха на своего ровесника.— Я этаких-то обвинителей насмотрелась! Чуть что, они тебя и ткнут носом. Ошибся, уважаемый, Ковригину в районе знают, и не за тем мы к вам пришли, чтобы вы ее здесь поносили...

— Хватит!— перестав смеяться, начальственно прикрикнул виновник шума.— Шуток, что ли, не понимаете? Никто вашего депутата не поносит, хоть еще десять лет избирайте.

— Вы действительно не поняли,— заверил старуху смущенный Самсон Аполлинариевич.— Наоборот, нам очень даже приятна ваша приверженность к местному депутату. Просто радостно это отметить. Ну, а Павел Харитонович у нас шутник...

— Да нет, какая тут шутка! Небось, с Озолиной и шутки другие, она ученая. А с рабочим классом, видно, можно!

Перебрала старуха. В комнате опять поднялся шум, в котором выделялся начальственный басок Павла Харитоновича. Маленький старичок требовал доказательств, Егоров сердито выговаривал посетительницам, упрекая их в политической незрелости.

— Ну, конечно, мы не очень ученые,— признала Вера.— Может, что и не так сказали. Но у нас после действий Озолиной сложилось впечатление, что никто за простого человека не вступается. Ведь у нас в поселке кто живет? Большинство — рабочий класс. И женщины все на производстве. Домашняя хозяйка только я, и то больше по болезни... Я сколько могу хлопочу, но вот беда: никто меня не поддерживает.

После тяжелой паузы насупленный Павел Харитонович сказал Вере, что Озолина — человек осмотрительный, без поддержки закона действовать не станет и что он сам лично видел у нее план земельного участка на десять соток.

— А вы хорошо смотрели?— ядовито спросила старуха.— Нам-то она эти документы лишь издаля кажет, в руки не дает да и в суд лишь копию представила, заверенную вашим жэком... По документам-то

Б. Пушков (Йошкар-Ола). АКАЗ. Из триптиха «Песня».

Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

А. Родионов (Саранск). КОМСОМОЛКА.

Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

она мастак. В прошлый раз с пьяными лесниками договорилась три дуба свалить — так тоже уверяла, что законная у нее бумажка.

— Какие три дуба? — посуровев, спросил Павел Харитонович.

— Только нам дубов и недоставало! — вздохнул товарищ Егоров.

— Росли за ее калиткой три дуба, — сказала старуха. — Красавцы, лет по сто каждому. И вот, значит, однажды...

Вера сначала с интересом, а потом с опаской смотрела на неуклюжее старухино представление. На маленьком пятачке комнаты она кружилась, как дрессированная медведица.

— Пила-то: «дзз-дзз...» — а Озолина издаля бумажкой машет: «Я по закону дубы валю, разрешили мне...»

— Прекрати, тетя Паша!

— Нет уж, Вера, скажу, пусть они про свое начальство послушают. Они ее берегут, прячут...

— Егоров, вызови! — как при былой кавалерийской атаке, гаркнул Самсон Аполлинариевич. — Чтоб мигом была здесь!

То ли товарищу Егорову давно недоставало этого командирского окрика, то ли и самого его пронзил старухин укор, но только на этот раз он тут же взялся за трубку.

— Да не придет она, — усмехнулась Вера. — Пробовали мы ее на общее собрание жителей пригласить. Куда там! На все замки позакрывалась.

— Здесь парторганизация, а не дача! — оборвал ее Павел Харитонович. Его вновь начали сердить негосударственные речи депутата.

Между тем Егоров тщетно растолковывал кому-то глухому, как видно, матери Озолиной, что Марию Михайловну срочно просят спуститься вниз по случаю приезда двух женщин из поселка.

«Как же, прибежит, ждите», — бормотала тетя Паша. Самсон Аполлинариевич, достав из кармана блокнот, писал в нем что-то. Величавый его соратник вышагивал из угла в угол, а Иван Петрович, как звали старичка, предавался невеселым думам.

— Послушайте, — миролюбиво обратился к старухе Павел Харитонович. — Ведь конфликт-то пустяковый, честное слово. Не могли бы вы, как наиболее разумная женщина, сделать тропинку к воде в другом месте?

— В каком таком другом? Рядом земля Степаныча. На пенсии он, огородом занимается. Он меня на свою землю не пустит.

— Значит, плохой сосед.

— У вас все плохие, кроме Озолиной.

— Вы из крестьян? — строго спросил он старуху.

— Из деревни.

— Вот-вот, и ни при чем тут Озолина. Знаю я крестьянскую психологию, в тридцатом году помотали меня эти собственники. Сознайтесь, что не тропинка вам нужна, а земли жалко.

— Конечно, жалко. — Старуха хитрить не собиралась. — Ясное дело, жалко. Поселок-то на пеньках возникал. Попробуй их раскорчуй. Я над ними кожилилась, землю себе добывала, а Озолина ее под розы!

— Ну и правильно. Не все о картошке думать.

Маленькие, глубоко посаженные глаза старухи яростно вскинулись.

— Ты меня крестьянством не замай. Земле я до самой своей смерти верная буду. И картошку на розы не сменяю. Сорок лет городу служила, по дорогам ездивши, а спроси, кто я: городская или деревенская, — сама не знаю. Корни-то у меня с двух концов были. Но только я не забываю, чей хлеб ем. И тебе забывать не советую!

Вера отстранилась от нее, как от летящего камня.

— Тетя Паша, ты успокойся...

— Нет, не успокоюсь, вижу, к чему тут гнут, чтобы Озолина опять чистенькая из воды вышла.

— Тише, вы! — умоляюще кричал Егоров, тщетно закрывая ухо ладонью. — Я же по телефону разговариваю. Что за народ! Базар какой-то. Алло! Пусть Мария Михайловна спустится вниз. Как так не может? Почему? Секретарь парткома просит, Егоров. Больна? Что с ней такое?

— Положи трубку, потом разберемся! — распорядился Самсон Аполлинариевич. У него заметно подергивались веки. — Ваша правда, товарищ депутат!

Вера чувствовала себя опустошенной физически и нравственно. Убило ее не то, что раскритиковали здесь обеих со старухой, не то, что упрекнули в негосударственных речах, она бы это снесла. Убило ее то, что Озолина и здесь безнаказанно творила что ей вздумается. Она и ветеранов, ждавших ее, кажется, ни во что не ставила.

Только бы не заплакать. Какой же она депутат, если расплачется? А зареветь ей хотелось навзрыд, оплакав не только обиду, но и свою обреченность, о которой, может быть, не подозревали ни Самсон Аполлинариевич, ни маленький старичок, ни товарищ Егоров.

Спасибо старухе, она словно поняла ее состояние.

— Ладно, Вера, не расстраивайся, народ тебя не попрекнет. Дело-то у нас и впрямь, видно, мелкое...

— Да нет, не мелкое, — возразил Самсон Аполлинариевич, с тревогой наблюдавший за Верой. — Я разделяю ваше огорчение. Да-да, разделяю, — повторил он, адресуясь к своим соратникам. — А ты что скажешь, Павел Харитонович?

— Не к месту разговор.

— Ну, а я присоединяюсь к Самсону Аполлинариевичу, — сказал старичок и даже привстал в черном своем полушубке. — Получите, товарищ депутат, высшую мою партийную оценку. Выводы мы потребуем из редакции обратно. Повинную голову меч не сечет. Даю вам слово, как потеплеет — приедем и разберемся.

— Экие вы резонеры! — с сердцем вырвалось у Павла Харитоновича. — Я никуда не поеду! И мнения своего не меняю. Надо еще проверить, что за народ там проживает. Самоволы какие-то.

— Кто как умел, так и устраивался, — сказала старуха.

— В историю поселка мы не вмешиваемся, — мягко остерег обоих Самсон Аполлинариевич. — Не нашей это компетенции вопрос.

— А я бы вмешался. Юридически это наказуемо. Поражаюсь Марии Михайловне: неужели не нашла более порядочного места? Грамотный, подкованный человек — и вот такой промах!

— Неужто снесут наш поселок? — спросила старуха, когда вышла на улицу.

— А чего его сносить? Какая от этого государству прибыль? Людей на улицу не выбросишь, нет у нас таких законов. И старик это прекрасно знает, а сказал только для того, чтоб досадить.

Тетя Паша ничего на это не ответила. Она устала, ей хотелось домой, к своему привычному очагу и делу. В поселке она прожила около тридцати лет, если не поделить их поровну на скитания по железной дороге. Да и другие, каждый со своим делом, прожили в поселке много лет. Тунеядцы в нем не числились, хотя, если строго разобраться, то Верин сын чуточку подходил к этой категории...

— Может, к Аркадию зайдешь? — обернувшись, спросила старуха.

— Да ну его! Он мне и адреса не давал. Домой поедем, меня Иван ждет.

* * *

То ли заболел маленький старичок, то ли товарищ Егоров не счел более возможным беспокоить ветеранов, но только в апреле месяце приехали в поселок совсем другие люди. Трое: две женщины и мужчина. Никто из них в домах жэка не проживал, и были они привлечены для проверки жалобы уже по линии райкома.

— Чем могу служить? — спросил Иван Ковригин, немедленно вызванный бедолаговскими ребятишками к участку Озолиной, как заменяющий депутата.

— Инженер Семушкин, — представился мужчина. — Едва нашли ваш поселок — в лесу запрятан, да и от станции далеконько. А местечко действительно райское. Жить бы только да радоваться, а люди конфликтуют...

— Конфликтует одна Озолина, — сказал Иван, которого насторожило это вступление.

Семушкин ничего на это не ответил, только шевельнул высокой бровью. Карие с хитринкой глаза смотрели на Ивана изучающе. Это насторожило еще больше.

— Разберемся, разберемся... Правда, ваше коллективное письмо изложено несколько замысловато, однако суть довольно проста. А может, за это время соседи помирились?

— Да нет, — сказал Иван, показывая на бабушкину калитку, вновь оплетенную колючей проволокой.

Женщины, шурша плащами «болонья», вплотную подошли к частоколу. В этот легкий, сквозящий облаками и первой листвою день все виделось как-то особенно отчетливо. Там, на участке Озолиной, пробивая прошлогоднюю сухость травы, лезла новая, стрельчатая. Топорщились тонкие пики нарциссов вдоль той, спорной тропинки... А за ними — розы, целый ряд темно-зеленых, с красными шипами.

— Разве нельзя посадить их в другом месте? — опять поднял свою высокую бровь Семушкин. — Товарищи женщины, вы как думаете?

— Места вполне достаточно. И как это было можно заколотить калитку, где бабушка по воду ходила?

— Да, — подтвердил Иван. — Это был для старухи самый ближний путь. Если кругом — в три раза дальше. Лесом.

Все оглянулись туда, куда показывал Иван, — на вторую, об одной петле калитку, на лес за нею. Ах, как он был близок — этот лес! Так близок, что различалось каждое дерево. Рядом с темными елями тепло светились рыжеватые сосны. Березы нежно прикрывали свою наготу ветками. Стремительно летели вверх, распираемые весенней влагой, стволы зеленых осин.

— А этот дом бабушкин? — спросила одна из женщин, натолкнувшись взглядом на что-то уродливое, шершавое, стыдливо прикрытое кустами сирени.

— Да, это ее дом, — подтвердил Иван, и на этот раз хитроватый вид был у него, а не у Семушкина. Он ожидал следующего вопроса, о самой владелице хибары, и нет сомнения, что этот вопрос был бы задан именно сейчас, потому что логически назрел, но в этот момент, заприметив, что возле озолинской дачи ходят государственные люди с папками, откуда-то появились старик Степаныч, тот, что смеялся зимою над лесниками, и подозрительно веселый Николай Бедолагов.

— Опять? — весело удивился Бедолагов. — Кормится народ возле нашей Озолиной.

— Шел бы ты в холодок, — посоветовал Иван.

— Да-да, вы нам мешаете, — сказала одна из женщин, не терпящая пьяных. — Мы тут сами разберемся.

— А почему? Пускай. Глас народа! — заметил Семушкин.

— Вот-вот, — ободренно засуетился и Степаныч. — Пора бы уж добрым людям во всем разобраться. Дело-то ясней ясного, самовольство это, типичный захват. И не столь речь о земле, дорогие товарищи, сколь обидно это! Человек с высшим образованием солдатскую сироту не пощадил. Сами видите: вокруг озолинского участка люди живут, у каждого свой участок. Так от кого же ей землю нарезать? Позже всех сюда поселилась, и вот какие претензии. Нельзя так партийному человеку рассуждать. Я считаю, что при подобной ситуации своим поступись, а высокое звание не роняй.

— Вот-вот именно — никто не верит! — встрепенулся под сосною Бедолагов. — И неужели у вас у всех глаза позастилало...

— План у нее липовый! — быстро сказал Семушкин. — Вся беда в том, что границы подмосковных районов по нескольку раз

меняялись. Вот и нашлись ловкачи, не без корысти, разумеется. Это одна причина возникших недоразумений. Ну, а другая — сам поселок, возникший стихийно. Озолина — юрист и сразу нащупала уязвимое место. Земельные наделы никем не утверждались.

— А деньги за землю брали? Как же так? — опять, как зимою у колодца, заершился Бедолагов, ревниво относившийся ко всяким поборам.

— Пользовались — вот и брали,— спокойно пояснил Семушкин.— Кстати, наша земля самая дешевая в мире. Мы привыкли к тому, что ее много, и относимся иногда к ней по-варварски, да еще при случае сомневаемся, не лишнее ли с нас взяли...

Николай смущенно кашлянул и, спросив у женщин позволения, закурил. Степаныч, привыкший в своем стариковском одиночестве разговаривать сам с собою, молча шевелил губами. А Иван все оглядывался на свой дом, где под присмотром Полины тихо догорала Вера...

— Ну ладно, в общем, все ясно,— сказал Семушкин.— Насчет Озолиной меры будут приняты. Попросите сюда бабушку Мурашову.

— Бабушка отсюда выбыла,— сказал Иван, но уже не ощутил удовольствия от этого козырного хода.— Комнату ей дали, как почетной железнодорожнице.

Это известие очень обрадовало комиссию, но и озадачило. Еще в Москве при предварительном ознакомлении решено было, не без ведома поселкового Совета, которому поднадоели озолинские тяжбы, тропинку Мурашовой вернуть. А что делать теперь? И члены комиссии наперебой стали высказывать свои сомнения. Если старушка, получив комнату, отсюда выписалась, то с нее непременно взяли подписку, что от своей частной собственности она отказывается. Есть такое положение.

— Не знаю такого положения,— нахмурился Семушкин.— Озолина живет в городе и не отказывается от дачи.

— Да,— согласились женщины.— Если у человека есть квартира, он может еще купить и дачу. А вот если наоборот...

Но тут же и засмеялись, почувствовав всю нелепость своих утверждений. Ни одна из них не могла вспомнить, где они читали этот закон или положение, но слышать точно слышали, и чуть ли не от самих загородников... Не ставят их в очередь на получение благоустроенной жилплощади.

— Нет правил без исключения,— пожал плечами Семушкин,— и, как видите, первый тому пример — бабушка Мурашова.

Иван, хмуро слушавший их спор, счел нужным предупредить, что, какие бы решения ни вынесла комиссия, Озолина с ними не согласится, а бабушка второй раз под штраф не полезет.

— Это точно! — подтвердил Бедолагов.— Не знаете вы нашу Озолину. Да вот хоть вы попробуйте,— предложил он вдруг Семушкину,— попробуйте снимите проволоку — она и с вами тягаться станет.

Председатель комиссии боевито прищурился, словно ловил далекую цель, при этом губы его сложились в брезгливую гримасу.

— Ну что ж... Проволоку снимет участковый. Я позвоню. Нет-нет, не думайте, что я испугался. Юридически это и должен сделать участковый. Он облечен правом этих действий. А не депутат. Кстати, где та боевая женщина, о которой мне рассказывал Самсон Аполлинариевич? Вот та, что зимою приезжала в жэк.

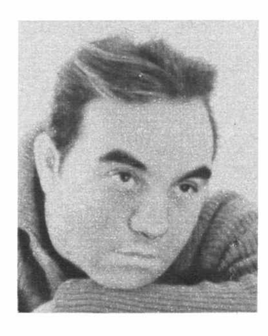
— Отвоевалась она,— сказал Иван и смолк, хотя собирался сказать гораздо больше.

— Горячо жила, вот и сгорела прежде времени! — охотно пояснил Бедолагов.— Озолина не сгорит, не тот материал, извините, конечно...

Ему искренне казалось, что чаще умирают хорошие.

Комиссия вскоре ушла, ее тут же поглотил лес в своей зеленой пучине. Где-то начинался ветер: качались верхушки сосен, и в пустоватом небе летели сквозящие облака.

Владимир **ДЕМИДОВ**

ВСЕ, ЧТО ТЫ МНЕ ДОВЕРИЛА...

ЗЕМЛЯ

Какой там бог!
Я только в землю верую.
Я собираю землю на земле,
И черную,
И желтую,
И серую,—
Она холмится
На моем столе.
Ту, черную,
Я взял под осень во поле,
Ту, желтую,—
У пристани морской,
А эту —
На кургане в Севастополе,
А эту —
У березы под Москвой,
И курская земля,
И сталинградская,
И рытая под брестскою стеной,
Она едина для меня,
Как братская
Могила,
Не отысканная мной.
Я собираю землю с этой верою,
Беру такой,
Какой была в бою,
И по крупице вам передаю
И черную,
И желтую,
И серую —
Великую и кровную мою!

РОДИНА

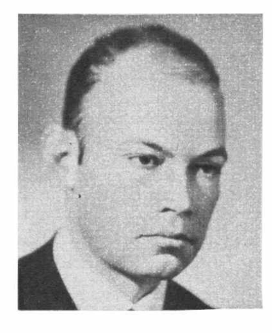
От ромашки до дерева
И звезды голубой
Все, что ты мне доверила,
Остается со мной.
Мне достаточно этого,
Чтоб спокойно дышать,
И на долю не сетовать
И тебя уважать.
Если ж буря на стылую
Землю бросит меня,
Не гаси над могилою
Голубого огня.

* * *

И, может быть,
Когда настанет осень,
Поблекнет просинь,
Звездами маня,
«Ты кто такой?» —
Однажды время спросит
И пристально посмотрит на меня.
А я не удивлюсь его вопросу
И докурю спокойно папиросу.
Я хлеб растил,
Плоты гонял по рекам,
Ни за кого не прятался в бою
И добыл право
Жизнь прожить свою
В одном лишь званьи —
В званьи человека.

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

В минуту скорби и печали
Мы вспоминаем имена
Людей,
Что славой увенчали
Тебя,
Великая страна.
И, как в далеком сорок пятом,
Рубцы и шрамы обнажив,
Встают убитые солдаты
На перекличке тех,
Кто жив.
Мы видим их в строю едином,
От Сталинграда
До Берлина.

Александр **МОСКВИТИН**

В ЧАСЫ ЗАТИШЬЯ

ПОДКОВА

Не бегу от детства городского,
камни да железо не кляну...
Вижу, как подробно, как толково
пишут нынче парни про войну.

Все же я на память не в обиде,—
беды как пригрезились во сне.
Лишь слеза обрушится при виде
хроникальных кадров о войне.

Лишь пахнет окалиной от слова,
громыхнет в сознании грозой...
На дворе,
овальном, как подкова,
снег разит бензином и кирзой.

И глядят квартир оконца слепо
в пустоту скользящего двора.
Как тупым ножом ковригу хлеба,
раскромсали ночь прожектора.

Кажется, что даже не приснится
солнце в небе мерзлого двора.
Горько,
как от хлеба из пшеницы,
побывавшей в пламени костра.

Как я выжил там? Костру такому
не преграда камни и металл...
Ах, как двор похож был на подкову!
Слез и бед с лихвою испытал.

МЕЛОДИЯ

То хляби, то щебенка, то суглинок,
то скалы надвигаются в упор...
С усталостью
последний поединок
ведет в ночной сумятице шофер.
Но вот она — раскатанная трасса.
Не мысля музыкальностью блеснуть,
идя за свистунами экстра-класса,
насвистывает он,
чтоб не уснуть.

В согласном этом единеньи,
Не расторжимом никогда,
Года мелькают,
Как мгновенья,
Мгновенья длятся,
Как года.
И выплывает все, что было,
Все, что не отдали врагу:
Донецкий кряж,
Саур-могила,
Курган на волжском берегу.
И мать, которая не прячет
Сынов от битвы на реке,
И древний меч,
Еще горячий,
В ее карающей руке.
И звезды вровень с женским
ликом
И крест, растоптанный в пыли...
Геройство Малой и Великой
Всепобеждающей земли.

* * *

РЕКА

Умирает река.
Умирает река.
И обходят ее стороной
Облака.
Никому неохота
Быть рядом с бедой,
Даже если беда
Приключилась с водой...
— А куда ты уходишь, река?
— В никуда! —
Отвечает покрытая ряской
Вода
И, слабея,
Все реже
Стучит в берега...
Как ей жизнь дорога!
Как ей жизнь дорога!..
Мы с тобою когда-нибудь
Тоже уйдем,
Только ты не спеши уходить,
Как река,
И цепляйся за грешную землю,
Пока
Я держу свои пальцы
На пульсе твоем.

Донецк.

Дорога, въявь хмелея от простора,
от блеска фар грозя метнуться вбок,
на сердце, как мелодия шофера,
наматывалась, будто на клубок.
Печаль ее причиной, мрак ли ночи,
шофер ли, задремавший на руле? —
Но с каждым днем упорнее и громче
мелодия звучит по всей земле.
И, раскрутив напев,
как будто леску,
придумал песню кто-то в полчаса.
Ее оркестры жмут на всю железку,
концертные мусолят голоса.
Но сквозь галдеж,
наплывы перебора,
и всхлипы, и надрывность голосов
я слышу,
как усталый свист шофера
на чашу сердца падает без слов.

* * *

Когда отбой пролязгают дороги,
отхлынет кровь от жесткого лица:
в часы затишья личные тревоги
захлестывают наглухо сердца.
Но как бы ни подкашивала нервность,
какие б ни укачивали сны,
всегда душе видна несоразмерность
своих забот с заботами страны.
Перед лицом угрозы и утраты
оседлый быт крошится, будто лед:
сердца, как поседевшие солдаты,
становятся на воинский учет.

ЮЛИЯ СОЛНЦЕВА

Григорий АЛЕКСАНДРОВ,
народный артист СССР,
кинорежиссер

70 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

«Я так люблю сеять! Люблю пахать, косить, молотить. Но больше всего люблю сеять, сажать, выращивать, чтоб произрастало...»

В этих словах, которые произносит герой фильма «Повесть пламенных лет», весь Александр Довженко, но и в то же время вся Юлия Солнцева, ибо сегодня имена их неразрывно связаны совокупностью идейно-художественных особенностей творчества, единым революционным оптимистическим мировоззрением.

Более сорока лет назад Юлия Солнцева стала знаменитой киноактрисой, успешно выступив в роли «Аэлиты» по Алексею Толстому и в комедийной роли «Папиросницы из Моссельпрома», не говоря уже о других картинах. Но, увидев фильм режиссера Александра Довженко «Звенигора», она отказалась от артистической карьеры, отказалась от заманчивого приглашения Голливуда и стала ученицей по режиссерской части молодого и смелого кинематографиста-новатора, его другом, единомышленником, женой...

Вместе с любимым человеком Юлия Солнцева почти тридцать лет вела творческую борьбу за победу общих идеалов. Она делила с Александром Довженко все — и победы и поражения — на большом и сложном творческом пути. Шаг за шагом приближалась она к уровню довженковского мастерства. В титрах его картин появились подписи ассистента, затем режиссера и, наконец, сорежиссера Юлии Солнцевой. А когда Довженко внезапно умер в расцвете творческих сил, Юлия Солнцева в горе своем не упала духом, она как бы подхватила его знамя и вдохновенно, мужественно понесла его дальше.

Юлия Солнцева не только сохранила для архива все литературные замыслы, все неосуществленные сценарии Александра Петровича Довженко, но смело решила довести его работу до конца: поставить все фильмы, содействовать изданию всех довженковских литературных произведений...

Начиная с 1958 года Ю. И. Солнцева поставила на студии «Мосфильм» пять больших широкоформатных фильмов по сценариям и литературным произведениям Довженко: «Поэма о море», «Повесть пламенных лет», «Зачарованная Десна», «Незабываемое», «Золотые ворота»... И уже первый из этих фильмов был отмечен **особым** почетным дипломом на II Всесоюзном кинофестивале 1959 года в Киеве.

Фильм «Повесть пламенных лет» на международном Каннском фестивале был провозглашен «триумфом» и награжден **премией за режиссуру.**

Итальянский журнал «Фильм критик» писал о том, что великая поэзия Александра Довженко подняла уровень Каннского фестиваля 1961 года и дала ему направление. Пражские газеты определили фильм как грандиозную эпопею, отметив еще одну, очень важную его сторону: в фильме звучит призыв к настоящей дружбе между народами...

Несомненно, Юлия Солнцева — женщина исключительного, парящего темперамента, писали итальянцы, только ей под силу было поставить эту блистательную кинокартину. Юлии Солнцевой, этой необыкновенной женщине, удалось поставить первой в Советском Союзе широкоформатный фильм с такой глубиной и в то же время с такой серьезностью и монументальностью.

Столь высокая оценка картины прессой Европы и Азии свидетельствует о том, что фильм глубоко понят не только советскими людьми, но и всеми людьми, без различия цвета кожи и национальности. Всеми, кто хочет мира и дружбы, кто верит в неиссякаемые возможности человека.

«Повесть пламенных лет» через индивидуальные судьбы героев выражает общественные интересы и чувства народные.

Когда фильм начинался, то слышались восклицания: опять о войне! Нет, этот фильм не о войне — он против войны. Но это не пацифизм. И это не просто антивоенный фильм. Александр Довженко и Юлия Солнцева утверждают благородство и гуманизм советского общества. И здесь возникает чувство гнева против несправедливой войны, против ее зачинщиков. Не ужасы войны привлекали здесь авторов фильма, а их героическое преодоление. Вот что отличает работу Солнцевой от многих фильмов, где смакование военных ужасов и несчастий является «эстетической сущностью». Ее героями руководит не жажда военного подвига, а жажда мирного труда. Цветущая вольная земля влечет к себе сражающихся людей, и это рождает в них героический, бесстрашный дух.

Можно было бы сказать множество восторженных слов о других фильмах Юлии Ипполитовны Солнцевой — они таковы же по своей жизнеутверждающей, гуманной творческой сути.

Последний ее фильм, «Золотые ворота», посвящен образу самого художника, Александра Петровича Довженко, его жизни. Фильм искусно слеплен из его литературных, кинематографических и общественных дел, создан как фильм-памятник, его оригинальная поэтическая форма выражает сущность большого писателя и кинорежиссера.

Работая с Юлией Солнцевой все эти годы в одном творческом коллективе, я видел, какой титанический труд проделала эта талантливая, энергичная и трудолюбивая женщина — не только по созданию новых фильмов, но и по восстановлению и возвращению на экран технически изношенных картин Довженко «Аэроград» и «Земля». Теперь на очереди восстановление «Арсенала», «Ивана»...

С помощью и при содействии Юлии Ипполитовны Солнцевой изданы собрания сценариев Довженко, множество его книг — и не только в нашей стране, но во многих странах мира: Вьетнаме, Болгарии, Венгрии, Польше, Японии, Франции, США... Например, книга «Фильм «Земля» удостоена премии «Святого Марка» на международной выставке в Венеции.

Сейчас Ю. Солнцева работает над подготовкой новых книг. «400 воспоминаний о Довженко», «С «Зачарованной Десной» по континентам»... Выставки о творчестве Довженко, а стало быть, о советской кинокультуре и литературе, состоялись в Чехословакии, Польше и скоро будут показаны в ГДР.

По морям и океанам ходит теплоход «Александр Довженко». Он доставляет советскую помощь героическому Вьетнаму. И на Днепре можно увидеть корабль «Довженко», и даже на реке Десне, на родине художника, есть маленькая весельная лодочка имени Александра Петровича, которая является одним из экспонатов музея-хаты, где родился Довженко.

Наша социалистическая Родина высоко чтит память одного из зачинателей советского киноискусства — его имя носят Киевская киностудия, библиотеки, школы, совхоз (на его родине)... Мемориальные доски и памятники установлены там, где он работал и жил. Все это связано с неутомимой деятельностью Юлии Ипполитовны Солнцевой, друга и соратника Довженко...

Всем нам надо поблагодарить Солнцеву за тот огромный вклад в советское киноискусство, который она сделала за 47 лет своей работы в кино; поздравить ее с высокой наградой — орденом Ленина — и пожелать многих новых творческих достижений и успехов!

Логофет забивает гол. 2 : 2!

В девятый раз юбилейный тридцатый кубок у московской команды «Спартак».

Пожалуй, это был один из самых драматичных финалов за всю историю розыгрышей этого почетного приза. Как всякая драма, этот матч делился на два действия. Первое — день 7 августа, и второе — воскресенье, 8 августа. В первом — судьба кубка казалась решенной в пользу ростовского СКА до последних секунд, когда удар ветерана-спартаковца Логофета сравнял счет 2 : 2, он не изменился в дополнительное время. Эти 120 минут были насыщены напряженной, красивой игрой равных соперников. Команды отдали все силы игре.

День второй. Казалось, что энергия команд была исчерпана, но зрители снова увидели энергичный и умный футбол. И снова капитан спартаковцев Хусаинов, как и в первый день, инициатор многих атак, удачно выкатил мяч Киселеву, который со «второй попытки» забивает гол, решивший судьбу Хрустального кубка.

Это были незабываемые 210 минут равной борьбы достойных партнеров.

«Спартак» — обладатель кубка в девятый раз! Это поистине наша лучшая кубковая команда.

Л. БОРОДУЛИН

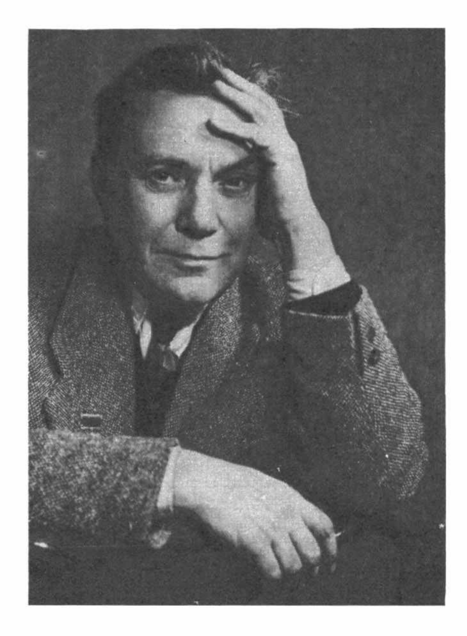

Капитан спартаковцев Галимзян Хусаинов с кубком.

210+КУБОК

Команда «Спартак».

НАШ ДРУГ МАКСИМ

Леонид ТРАУБЕРГ,
кинорежиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР

Лицо его знакомо миллионам людей. Точнее, сотням миллионов.

Лицо само по себе, лишенное всяческих приспособлений, грима и накладок.

Вначале было не так. Борис Чирков завоевал зрителя, создав крохотный эпизод — бородатого мужичка в «Чапаеве».

В тот же год он «сбрил бороду», представ в образе юного Максима, не то что усов — фамилии не имевшего. Ни медального профиля. Ни бицепсов. Ни той волнующей и мерзкой «узывности», которой иногда щеголяют в кино.

Чем же поразил актер, неотделимый от имени так, что ему писали на студию просто: «Ленфильм, Максиму»?..

Немногие знают, что роль эта предназначалась другому превосходному актеру; так случилось, что играть тот не мог. И режиссеры вдруг решили отдать эту — не то что главную, а сверхглавную — роль молодому, преимущественно комическому артисту. При малой известности он все же был знаком в Ленинграде, как Санчо при Дон-Кихоте — Черкасове, как Паташон при Пате — том же Черкасове.

Студия, съемочная группа недоумевали: какой же это герой подполья, партийной эпопеи?

Теперь ясно, что попадание было снайперским.

Горький привел высказывание рабочего о Ленине: «Прост, как правда». Зрители поверили в искренность и простоту большевика Максима.

Ведь это же подвиг: на протяжении трех серий, в самых неправдоподобных на первый взгляд ситуациях, убеждать зрителя в их подлинности. В своей подлинности. Нет, не только подлинности: в своей **партийности.**

И не потому лишь, что лицо героя было типичным лицом русского паренька, делавшего в числе тысяч других партийное дело. Лицо бывает обманчивым. Но нельзя было обмануться в сущности этого человека — ленинца Максима. Прежде всего потому, что это была сущность исполнителя роли.

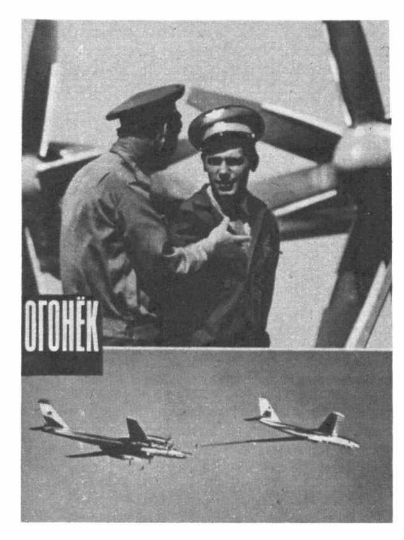
Скромный, взахлеб — в высоком значении слова — деятельный, веселый, по-большевистски и по-рабочему мудрый человек — таков народный артист СССР Борис Петрович Чирков.

Не веришь, что ему исполняется семьдесят. Позволю себе ответственное сравнение: он молод, как партия, которой отдал жизнь и творчество.

Хватило бы ему и одного Максима. Но закрываешь глаза, вспоминаешь: крестьянин в «Чапаеве», чудесный Сенька из «Подруг», Махно в «Александре Пархоменко», один из трех «Верных друзей», полевой кашевар Антоша, старый обуховский рабочий...

Скромность, конечно, украшает. Но когда же мы поймем — не декларативно, а исторически,— что наше советское время создало плеяду **исключительных,** новых по всей сущности, **подлинно народных** актеров?..

Скромность скромностью. Но, видя людей, которым недавно исполнилось семьдесят и которые по-настоящему молоды — Ильинского, Образцова, Жарова, Раневскую, Штрауха,— вспоминаешь слова старого Джона Мильтона: «Я теперь только отпускаю крылья и думаю о бессмертии».

На первой странице обложки: Между полетами. Внизу: «Иду на контакт!»

Фото Г. Макарова и Г. Товстухи.

В ПАРЕ С ЛЕТАЮЩИМ ТАНКЕРОМ

Подполковник К. СЕНЬКОВ, военный летчик первого класса

Дозаправка в полете. Это высший класс летного мастерства. Здесь все важно...

— 85-й, я 34-й, вас обнаружил, иду на сближение!

— Понял, вас также наблюдаю!

Наблюдаю еще не значит вижу. Наблюдают и с помощью технических систем. Но заправляться можно, лишь когда видишь другой самолет глазами.

Машины мчатся со скоростью, близкой к скорости звука. Какая же должна быть точность в навигации, чтобы в нужный момент два огромных самолета, пролетев тысячи километров, оказались рядом над безбрежной пустыней океана!

И вот освещенный самолет-танкер нависает рядом.

Начинается ювелирная работа пилотов. Самолеты весят сотни тонн, но и их бросают воздушные течения. На заправляемом самолете все внимание на танкер. По нему летчики межконтинентального определяют положение своей машины. Идет отсчет метров, оставшихся до шланга. Отсчет, как на космодроме: 10, 5, 3, 2, 1... Контакт! Топливо идет. Каждое движение рулями должно быть точно отмерено. Не больше и не меньше необходимого. Иначе самолет не удержать в нужном положении.

А по небу мечутся, беснуются сполохи северного сияния. Из-за них у неопытных летчиков возникают иногда иллюзии неправильного положения самолета. Им трудно поверить приборам, когда видимый горизонт вдруг встает дыбом. Некоторые поначалу даже закрывали шторки кабины, пилотируя только по приборам, чтобы не смущало полярное сияние. При дозаправке шторками не закроешься...

Еще несколько мгновений, и последняя команда:

— Расцеп!

Вздрогнул самолет, прекратился характерный шум от возмущенного шлангом воздуха. Штурвал от себя, самолет нырнул вниз.

— Спасибо за работу! До встречи!

— Понял вас! Разворот!

Взят нужный курс. И опять за окнами ночь и звезды. И полярное сияние. Доклады членов экипажа, команды. Работа...

Горизонт становится светлее. Самолет догоняет вечер. Летая на Севере, можно «догнать» вчера, а затем попасть и в завтра...

До родной земли тысячи километров, внизу бушующий океан, а над ним крохотная частичка Родины — самолет, управляемый ее сынами, выполняющими боевую задачу учебного полета.

Летчики, штурманы, операторы, радисты-стрелки в этом полете приобрели новый опыт, еще выше стало их боевое мастерство, они закрепили навыки, полученные в результате долгих часов теоретических занятий в классах, на тренажерах. Экипажи межконтинентальных всегда готовы выполнить любые задания Родины.

Но еще много часов пройдет, прежде чем экипаж услышит:

— 85-му снижение и заход на посадку разрешаю...

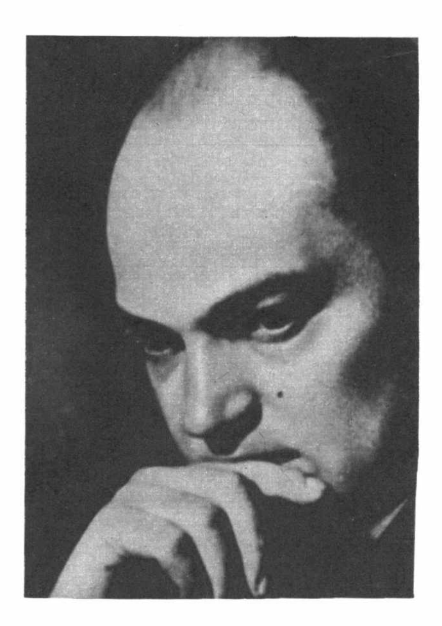
«ВОЗВРАТА НЕТ»

«Все она сразу поняла, и ни единого слова больше, ничего уже не надо было ей слышать из того, о чем они говорили между собой,— это уже была не ее, а их жизнь. Вся ее прошлая жизнь с ним сразу оборвалась, кончилась и теперь уже навсегда останется там, за порогом. Ей же надо только найти в себе силы, чтобы, не помешав им, выбраться отсюда...»

Этот отрывок взят из новой повести известного советского писателя Анатолия Калинина «Возврата нет». Повесть будет публиковаться в журнале с № 34. Иллюстрации художника П. Пинкисевича.

ЕМУ НЕ БЫЛО РАВНЫХ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. П. ХМЕЛЕВА

Для многих искусство Николая Павловича Хмелева было пределом актерского постижения Человека, его психологии...

Искусство актера доказывает необъятность душевного мира. Хмелев каждый раз доказывал это вновь. Он был художником, убежденным в возвышающей и просвещающей душу человека миссии искусства. Он сам принял на себя беспокойное чувство ответственности за то, что несет актер людям, став коммунистом.

В нем жила глубокая, зачарованная сосредоточенность, составлявшая одну из особенностей даже внешнего облика Хмелева...

Его творчество было, в сущности, учительным, хотя совершенно отсутствовал в нем характер назидательности. Перевоплощался Хмелев до полной неузнаваемости. До неузнаваемости не только внешней, но и внутренней, до неузнаваемости его собственных, личных страстей. Но страстность этого актера доносилась до зрителя в прожигающем, огненном темпераменте его созданий...

Наверное, Хмелев действительно мог понять все в человеке. И сыграть все. Создав на сцене МХАТа к 1945 году — за двадцать лет работы — галерею сумрачных фигур, таких хотя бы, как князь К. по Достоевскому, обреченный Турбин Булгакова, сановник Каренин Толстого, жестокий Скроботов в горьковских «Врагах», Сторожев в «Земле», Хмелев вдруг пришел совсем к неожиданному, казалось бы, для него, светлому и лирическому мироощущению в роли Тузенбаха. Это были незабываемые «Три сестры», поставленные Вл. И. Немировичем-Данченко.

Прошло много лет, но голос Тузенбаха, произносящего вместо прощания свою просьбу Ирине, как будто все еще звучит в воздухе: «Ирина!.. Я не пил сегодня кофе. Скажешь, чтобы мне сварили...» Здесь признание, любовь, просьба простить тревогу, которую он может внести в ее жизнь... А идет Тузенбах на смерть. Ничего нет жалкого, смешного в Тузенбахе — Хмелеве. Его не делает некрасивым ни грим, ни парик. Невероятно, что он умрет!.. И в зале при этом прощании плачут, досадуя на свои слезы и в то же время переживая великие чувства.

Хмелев всегда умел полностью подчинить зрителя своим героям, неразрывно сплести их судьбы с чувствами зрителя. Он потрясал чувства равно большой драмой, катастрофой жизни — смертью Алексея Турбина — и тонким поэтическим штрихом: движением пальцев Тузенбаха, снимающего иней с ресниц, когда он приходит с морозной зимней улицы...

Невозможно забыть фигуру Хмелева в «Кремлевских курантах» у Иверских ворот. Он играл инженера Забелина, которому трудно было понять революцию: из нелепого духа протеста инженер пошел торговать спичками. И вот он стоит среди толпы торгующих на толкучке с большим ручным лотком.

Яростно горят черные хмелевские глаза, длинные пальцы в вызывающем бездействии лежат на ремнях, поддерживающих короб на шее... Полно! Разве может обмануть самого себя и играть эту роль в глупом карнавале он, Забелин, человек, чье призвание — помогать всему передовому, движущему человечество вперед!..

Николай Хмелев был актером, не признающим границ амплуа. Но не потому, что он смазывал эти границы, а потому, что овладел поэтикой разных жанров: драмы, эксцентрической комедии, трагедии... Последняя его особенно настойчиво манила. Но, готовя роль Ивана Грозного в трагедии А. Толстого, Хмелев умер на генеральной репетиции. Умер — как будто сгорел от предельного, невыносимого напряжения душевных сил...

Голос его был удивителен: глубок, богат оттенками, обертонами; его звучание завораживало. Это была особая красота: голос питался богатством чувств человека, сложностью духовной жизни. Красота была не певческая, не фонетическая, а психологическая. В роли Каренина Хмелев изгонял из своих интонаций мягкость и переходность тонов: звучал прямой, негибкий, почти однообразный тон. И потому, когда Каренин плакал, страдал, его голос, не в силах освоить непривычное волнение, тяжело и мучительно скрежетал.

Очень важны были для Хмелева походка, жест, движение в пространстве. Он мог сосредоточить жизнь тела в одной руке. В кисти руки князя К., лежащей на подлокотнике кресла, была скрыто выражена и комичность этого персонажа и страшная судьба человека, превратившего себя в живую мумию. Рука проступала в темноте комнаты, как деталь на портрете.

Хмелев очень много знал о Человеке. Поэтому след, который оставил великий артист в театре и в сознании видевших его людей, глубок и незабываем...

Нина ВЕЛЕХОВА

Скальпель и сердце — еще не столь давно эти понятия казались несовместимыми. Сегодня хирурги принимают все более активное участие в лечении многих сердечных недугов, в том числе инфаркта миокарда.

26—28 августа в Москве состоится X международный конгресс по сердечно-сосудистым заболеваниям. Ученые-медики СССР, братских социалистических стран, а также США, Японии, Франции, Англии, ФРГ, Канады, Италии, Испании и многих других государств заслушают свыше двухсот докладов, освещающих роль хирургии в борьбе за здоровое человеческое сердце. С одним из сообщений выступит член-корреспондент Академии медицинских наук СССР профессор Ю. Ю. Бредикис, с работой которого мы сегодня знакомим читателей «Огонька».

А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ

ЧЕТВЕРТОЕ СЕРДЦЕ

Евсей Евсеевич Миронов[1] упрямо живет на этом свете, живет наперекор смертельной болезни, наперекор мрачным прогнозам специалистов.

...«Синдром Морганьи — Эдемса — Стокса!» — таков был окончательный диагноз. Это значило, что где-то в сердце намертво заблокированы пути, проводящие нервные импульсы, и в него не поступают сигналы «Биться!». Происходит такое не всегда сразу, иногда месяц от месяца жизненные приказы глохнут постепенно, и сердце едва трепещет, обрекая органы и ткани на «голодный» кислородный паек. Никакие лекарства не спасают от этого синдрома, вошедшего под тройной фамилией в самую мрачную главу медицины. Мировые авторитеты признают: после появления первого симптома больные в среднем больше двух-трех лет не живут. У Евсея Миронова прошло с тех пор восемь лет, но он, кажется, не унывает и по-прежнему опровергает классическую медицину.

И вот мы должны встретиться. Каков же он? Мнительный больной, оглядывающийся на каждый шорох?

Трудно передать те противоречивые чувства, с какими ехал я на встречу с этим человеком. По всем законам биологии он давно уже должен был быть навечно прописан «по иному ведомству».

...Член-корреспондент Академии медицинских наук СССР профессор Юргис Юозович Бредикис сосредоточенно вертит баранку «Волги». «Что-нибудь случилось?» — не выдержав долгого молчания, спросил я. Юргис Юозович, кажется, еще больше помрачнел, обогнал автобус и сухо сказал: «Да... Ночью в клинике умер больной... Не уберегли... А должны были уберечь...» Я знаю, что это значит для Бредикиса, врачебное кредо которого — держаться до последнего!

...Километров десять мы едем молча. Неожиданный поворот дороги приводит нас к одноэтажному домику, окруженному зеленью. Невысокого роста человек в резиновых сапогах размашисто подметает подходы к крыльцу. Мы резко тормозим. Человек прищурился, вглядываясь, и с открытой улыбкой метнулся к машине. Я и сейчас помню это мгновенное озарение и глаза, отражающие всю гамму добрых чувств: «Кого я вижу! Какой гость!»

Он не знал, что сделать раньше: то ли подождать, пока вылезет из машины Бредикис, то ли сразу сообщить радостную весть жене. И старался все совместить: «Маша! Маша, смотри, кто приехал!» На порог выбежала женщина, всплеснула руками, метнулась в дом, снова появилась на крыльце, сияющая и растерянная.

— Что же не дали знать? Мы бы вас встретили. Входите, Юргис Юозович, пожалуйста, сюда...

Бредикис представил меня.

— Очень рад. Миронов...

Так вот он какой!

Юргис Юозович раздеваться не стал. «Вы тут беседуйте, а я поброжу по лесу». И ушел. Широким, твердым шагом сильного, очень расстроенного человека. Мы с Мироновым уселись друг против друга.

— Вы ждете от меня рассказа о себе? Начну, пожалуй, с главного.— Он чуть застенчиво склонил голову.— У моего сердца нет собственной... как бы это сказать... силы, ритма, что ли... Понимаете? Совершенно нет. Уже восьмой год им движет электрический ток.

Я был подготовлен к беседе и все же невольно поеживаюсь при этих будничных произнесенных словах. Будь на дворе средневековье — гореть бы нам обоим на костре для еретиков!

...Живое человеческое сердце, работающее от тока.... Еще в 1962 году я писал в «Огоньке»[2] о нескольких больных, спасенных от неминуемой гибели молодым каунасским ученым, кандидатом медицинских наук Ю. Ю. Бредикисом. Вместе со своим другом — инженером П. П. Казакевичусом он создал тогда электронный стимулятор и испытал его на животных. Эксперименты вселили надежду: подчиняясь электрическим импульсам, остановленные сердца животных вновь начинали биться в заданном ритме. Однажды жизнь поставила изобретателей перед фатальным случаем: утром 28 марта 1961 года в клинику доставили 78-летнего старика без сознания. Когда благодаря усилиям врачей больной пришел в себя, сердце его билось как-то причудливо: предсердия сокращались со скоростью 86 раз в минуту, а желудочки — только 28 раз. Все предвещало скорую развязку. В истории болезни появился диагноз, означавший: сделано все возможное, на большее медицина пока не способна!

Тогда-то Бредикис распорядился готовить больного к операции. Это был прямой вызов традициям: ни в одном руководстве по хирургии не было описания операции, применимой при полном нарушении проводимости нервных импульсов. И все-таки старик ожил. Благодаря электростимуляции он начал ходить, выписался из больницы, продолжал свою прежнюю деятельность — борьбу с браконьерами на озере под Каунасом — и умер уже в возрасте 81 года.

Несколько позже я видел таких же больных в Москве, в клинике прославленного хирурга академика А. Н. Бакулева — там продолжал свои поиски Ю. Ю. Бредикис. Это было нелегкое зрелище. Человек отодвигает полы халата, и вы видите два тонких электрических провода, уходящих в глубь теплого, живого человеческого тела, а в руках или в сумочке, перекинутой через плечо, деревянный ящичек размером с радиоприемник «ВЭФ-12» — там его электронное сердце...

У Евсея Евсеевича Миронова ничего подобного нет. Шрам над сердцем, и никаких проводов.

— Ну, что вам еще сказать? — продолжал он.— Жили мы с женой в Леселидзе. Знаете такое место под Гагрой? Работал инженером, ни на что по части здоровья не жаловался, хотя завернуло уже на шестой десяток. А началось все с неожиданного обморока. Пили вечером чай, и вдруг на тебе, обморок. Жена моя, Мария Николаевна, когда-то в молодости работала медсестрой, не растерялась, опрыснула водичкой, расстегнула ворот и все такое прочее...

Так именно и подкрадывается обычно проклятый «синдром». За первым, легким обмороком последовало еще несколько, потом глубокая потеря сознания на многие минуты. Местные врачи предположили у Миронова инфаркт миокарда, уложили его в больницу. Но какой уж там инфаркт, если человек обмирает из-за каждого пустяка — кашлянул посильнее или неосторожно двинул ногой.

— Когда немного отлегло,— вспоминал мой собеседник,— пошел на работу. Но теперь за мной неотлучно следовала жена. Прочитала где-то, что единственное спасение в таких случаях — наружный массаж сердца, и, где бы я ни упал — на улице или дома,— она сразу на колени и давай массировать. Но так разве можно долго существовать на свете?

Я уже знал, что брат Миронова, ленинградский композитор, разыскал каким-то образом по телефону Бредикиса. Тот сразу оценил опасность, выслал в Леселидзе по почте свой стимулятор с наружными электродами, написал подробную инструкцию, как им пользоваться в пути, и пригласил больного в Каунас. Но первый приезд Евсея Миронова оказался бесцельным: его сердце, словно испугавшись ножа хирурга, неожиданно забилось ровно и четко. Бывают при синдроме такие непонятные зигзаги! Однако, едва возвратились с женой домой, все началось с прежней силой. Пришлось телеграфировать: «Спасайте!»

В Леселидзе немедленно прилетел Бредикис. Для раздумий ни дней, ни часов уже не оставалось.

— Когда наружный электростимулятор в очередной раз вернул меня из забытья, я увидел у своей постели Юргиса Юозовича.

— Ну как, будем оперироваться? — спросил он.

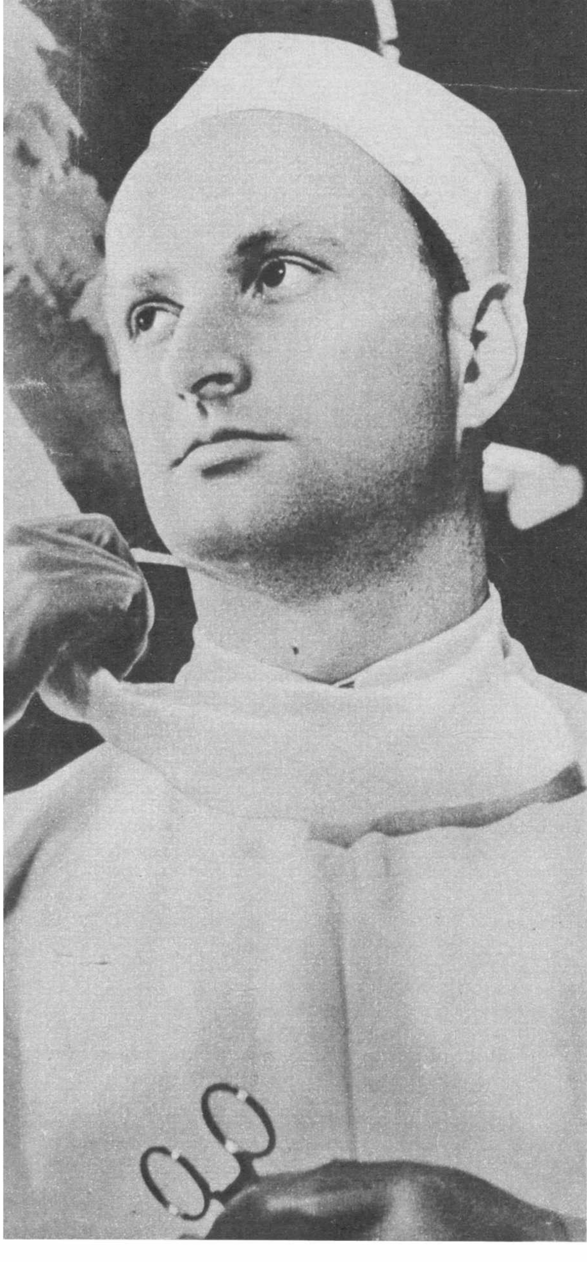
Я, помнится, ответил, что на все готов.

— Либо туда, либо сюда. Пора, профессор, кончать с этим делом.

11 июня 1964 года в Сухумской больнице, куда в полубессознательном состоянии доставили больного, состоялась операция. Был субботний день, но присутствовать пожелали все местные медики — окружили стол, поставили во втором и третьем рядах стулья. К тому времени с участием Бредикиса был разработан новый отечественный

[1] Фамилия больного, по понятным соображениям, изменена.

[2] «Разбуженное сердце». «Огонек» № 22, май 1962 года.

электростимулятор — маленький, в изящном пластмассовом футляре. Его уже не нужно было носить в руках — хирург прикрепил к сердечной мышце два электрода, а самый стимулятор вместе с проводами поместил в мышечный «карман» под кожей.

— Очнулся я после наркоза и сразу по привычке за пульс. А он ровненький, аккуратненький — шестьдесят восемь ударов, как по хронометру. И наполнение хорошее.— Даже сейчас, рассказывая о тех давних своих ощущениях, мой собеседник со смаком прищелкивает языком и делает характерный жест пальцами.

— А боль?

— Нет слов описать мучения, какие я неоднократно переносил, когда меня «откачивали». А тут сердце бьется ровно, настроение прекрасное. Боль от разреза — ерунда, понимаешь, что она временная.

— И долго вы пролежали в Сухуми?

— Всего одиннадцать дней. И не я, а Юргис Юозович не выдержал. Сплошные банкеты пошли, народ там, знаете, какой гостеприимный... Решили бежать в Леселидзе.

То были первые вживляемые стимуляторы. Не все еще с ними ладилось. Уже на третьем месяце электрический пульс Миронова зачастил: вместо шестидесяти восьми семьдесят пять ударов в минуту. Потом восемьдесят! Еще через несколько месяцев — девяносто... Бредикис и сам еще не знал, что с этим делать. А потом, «гоняя» сердце по сто и более раз в минуту, электростимулятор совсем выключился. Жена по очереди с местным врачом всю ночь делали наружный массаж. Опять телеграфировали в Каунас. Когда никаких сил уже не оставалось, стимулятор... неожиданно заработал.

— Видно, мне еще на роду не написано было помирать. Юргис Юозович прилетел через сутки. Иначе мне бы его не дождаться...

Второе свое электронное сердце Миронов заполучил тут же, в районной больничке,— далеко везти было опасно. Операция проходила под местным наркозом. Предстояло вскрыть мышечный «карман» и присоединить к проводам новый стимулятор. Под окнами операционной в напряженной тишине стояли друзья, знакомые — переживали: вновь остановится стимулятор или хирург успеет сделать свое дело? Так обычно следят за работой сапера, обезвреживающего мину: взорвется?

А Евсей Евсеевич рассказывает об этом даже со смешком, словно не о нем речь. И я все больше проникаюсь самыми добрыми чувствами к этому неунывающему человеку, ведь сердце его и сейчас, вот сию минуту находится «под током».

Полгода все было хорошо. Потом история повторилась: стимулятор снова зачастил. Миронову временами казалось, что он слышит, как стучат, захлебываются сердечные клапаны. Ночью тоже не было покоя. Сердце, как сорвавшаяся с резьбы лебедка, тарахтело в грудной клетке.

Мария Николаевна усадила мужа в самолет, и они полетели к Бредикису. На Вильнюсском аэродроме частота ударов достигла ста, на вокзале в Каунасе — ста пяти. Приехали поздним вечером и все-таки решились звонить Юргису Юозовичу домой. Он сразу же выслал карету «Скорой помощи», а сам поехал в клинику. Оперировать решил утром, но на всякий случай остался на ночь дежурить. И не зря: ранним утром все заглохло. Наступила клиническая смерть. Счет велся на секунды, но Бредикис снова выиграл поединок!

В груди Евсея Миронова забилось третье электронное сердце. Шел апрель 1966 года.

— Это был превосходный мотор! Я, учтите, по профессии не только больной, но еще пока инженер! И не разучился разбираться в технике.— Миронов возбужденно поднимается с тахты, где до этого сидел, и ходит по комнате.— Два с лишним года мы с женой не вспоминали о сердце. Так и запишите: не вспо-ми-нали! А потом она говорит: «Не будем, Евсей, испытывать судьбу. Что нам в этом Леселидзе — свет клином сошелся? Люди живут везде». Продали домишко, собрали пожитки и переехали сюда, под Каунас. Тут я совершенно спокоен: пока жив Юргис Юозович, жив и я.

Он вдруг замолчал, потом раздельно, как о глубоко продуманном, сказал:

— Мне скоро шестьдесят лет, но я теперь считаю свой возраст не по паспорту. А профессор еще очень молод: в апреле минуло всего сорок два. Так что еще...

В дверь заглянула Мария Николаевна, хотела что-то сказать, но Евсей Евсеевич жестом предупредил ее:

— Погоди, Мария, тут особый разговор... Да, так вот. В апреле шестьдесят девятого года профессор сменил мне электростимулятор. Да... Мне жаль было, поверьте, расставаться со своим третьим сердцем. Я его даже полюбил. Хотя, что я говорю, любят-то не его, а им — сердцем?!..

— И электронным тоже?

— Как своим собственным.

Миронов сощурился, снова сел на тахту, оперся локтями о стол и, не мигая, глядя мне в глаза, сказал очень проникновенно:

— Мне противны высокие слова и лишние восклицательные знаки. Но я-то знаю, кому обязан каждым своим днем, каждым дыханием и даже вот этой мыслью. Понимаете? — И тут же перешел на прежний, деловой тон: — Четвертый мотор тоже хороший. Я ведь ему не даю покоя. Ежедневно делаю легкую гимнастику, хожу по грибы, купаюсь, вообще всякие домашние поручения выполняю. Все время чем-нибудь занят.

У меня возник вопрос, но я воздержался задавать его. Миронов это заметил, он был весь ожидание.

— Не обидитесь, если спрошу?.. Быть может, ищете себе дело, чтобы отогнать тяжелые мысли?

— Что вы!..— Он даже замахал руками.— У меня не такой характер. Бывают, конечно, мнительные люди. Приезжал из города Черновцы один мой коллега по этому самому синдрому. Месяц его готовили к операции — не дается, боится! Правда, у него еще был свой ритм — что-нибудь 35—40 в минуту. Побеседовали мы с ним по душам... А теперь переписываемся. Сообщает, что благодаря стимулятору слух у него заметно обострился, зрение улучшилось, даже очки снял. Наверно, наладилось кровообращение — мозг стал получать полное питание. А то еще привозили в клинику одного товарища из Тамбова. Он тоже просил познакомить его со мной. Человека легко понять — поначалу страшновато. Недавно из Тамбова пришло письмо — тон бодрый.

Вернулся Бредикис. Долгая прогулка по лесу, видимо, несколько успокоила его. Возвращались в город мы медленно — машины то и дело обгоняли нашу «Волгу», и Бредикис против обыкновения не обращал на это внимания. Он думал о другом... Семь долгих лет «пляшут» в груди у Миронова две тоненькие, завитые в спираль проволочки: минута — 68 изгибов, год — 30 миллионов, семь лет — 210 миллионов... Сам-то он, по собственному определению, «занят жизнью», а каждое биение его сердца «под током» гулким эхом отдается в мозгу врача. Он-то хорошо знает, что и металл устает.
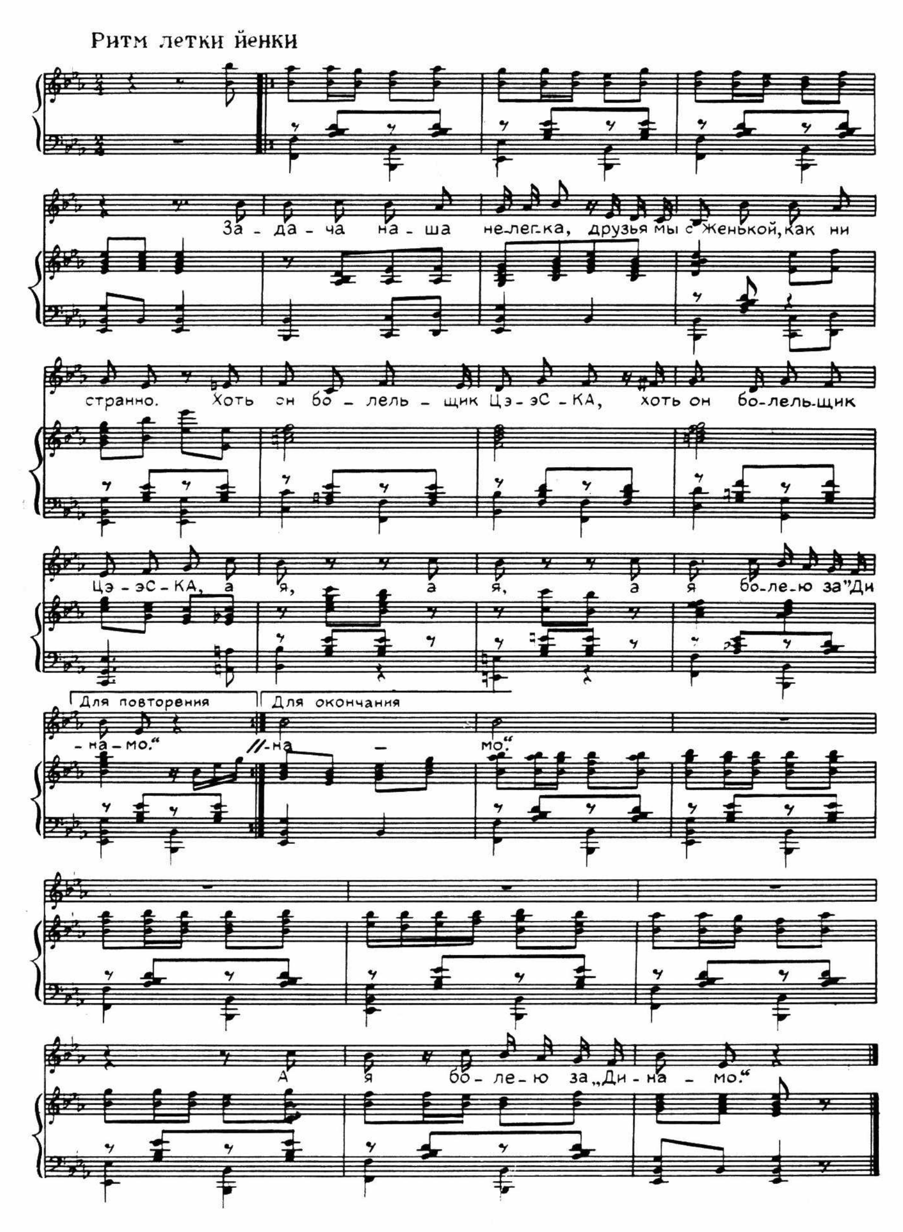
Некоторое время мы едем молча. Я думаю о своем спутнике. За десять лет нашего знакомства Юргис Бредикис прошел путь от кандидата медицинских наук до члена-корреспондента медицинской академии. У него свои ученики. Он окружен почетом и любовью, совершил долгое научное турне по США, недавно возвратился из Швеции, где был гостем Королевской академии. Счастлив ли он? Наверно. Но не тем счастьем, которое падает манной с небес. Он шел и продолжает идти к нему, как альпинист к горной вершине,— в связке с другими, по неприступным кручам, стирая в кровь руки и слыша натруженное биение собственного сердца. Нет, он не баловень судьбы, напавший на «золотую жилу» в науке. И сегодня, и вчера, и завтра он склоняется у операционного стола, выслушивает больных и принимает нелегкие решения. Потом спустится в экспериментальную лабораторию — там на станке распластано подопытное животное...

Разрабатываемый Ю. Ю. Бредикисом метод нашел широкое признание. Но чем дальше, тем больше возникает новых неясностей, сложных вопросов, заманчивых перспектив. Под воздействием электростимуляции у больных восстанавливается подчас собственная — спонтанная — активность сердца. К чему тогда мотор? И вот уже испытываются стимуляторы, действующие «по требованию». Они способны автоматически останавливаться, а чуть сердце начинает «сбоить» — включаются.

Встречаются больные не с урежённым, а с сильно учащенным ритмом. Электрический ток и тут, оказывается, способен помочь.

В каунасской клинике разработан и способ экстренного продвижения электрода в сердце — через полую иглу, введенную в подключичную вену. На случай, если остаются считанные минуты... А нельзя ли стимулировать сердце, пораженное инфарктом, бездействующий желудок, пассивный кишечник? У природы много еще тайн в запасе...

Сегодня на первом плане в нашем рассказе больной с его горестями и радостями. И с его воскрешениями. Но можно ли не увидеть за всем этим главную фигуру — врача, ученого? Человека. И его трудный труд, его заботы, его выстраданную радость беззаветно служить людям.

ПЕСНЯ И СПОРТ

Не случайно на пластинке, выпущенной для спортлото, звучат песни Людмилы Лядовой.

Ее задорные, с четким ритмом, чуточку ироничными, но всегда оптимистическими интонациями песни сопровождают и утреннюю гимнастику, и туристические походы, и молодежные вечера...

Дома у Людмилы Алексеевны на большом шкафу против рояля красуется футбольный мяч со множеством автографов: знак признательности спортсменов за веселую, бодрящую музыку.

Недавно Людмила Лядова написала новую песню про футбол.

Называется она «Болельщики», и автор утверждает настойчиво: «А я болею за «Динамо».

Может быть, тем, кто болеет за «Спартак», это и не понравится? Но ведь ничего не известно. Может, это только начало серии, посвященной футболистам...

БОЛЕЛЬЩИКИ

Музыка Людмилы ЛЯДОВОЙ.
Слова Владимира ЛАЗАРЕВА.

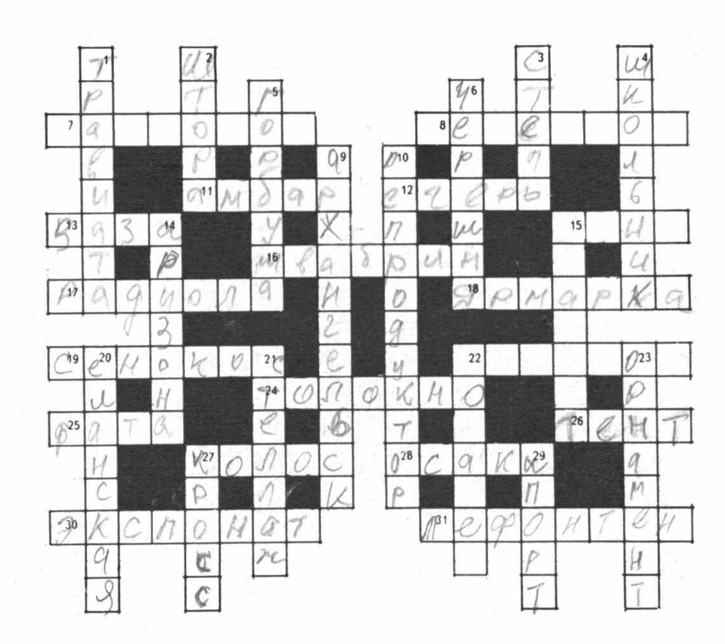
Задача наша нелегка,
Друзья мы с Женькой, как ни странно,
Хоть он болельщик ЦСКА,
Хоть он болельщик ЦСКА,
А я, а я, а я болею за «Динамо».

А мой сосед такой чудак,
Он целый день твердит упрямо:
«Торпедо» лучше, чем «Спартак»,
«Торпедо» лучше, чем «Спартак»,
А я, а я, а я болею за «Динамо».

Порядок есть в семье моей,
Что за внучат болеет мама,
Жена болеет за детей,
Жена болеет за детей,
А я, а я, а я болею за «Динамо».

А стадион опять гудит,
Футбол, он праздник или драма,
Пускай сильнейший победит,
Пускай сильнейший победит,
Но я... Но я...
Но я болею за «Динамо».

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Духовой музыкальный инструмент. 8. Журнал, в котором сотрудничал В. Г. Белинский. 11. Помещение для хранения зерна. 12. Специалист в охотничьем хозяйстве. 13. Сосуд для фруктов, цветов. 15. Индийская разменная монета. 16. Персонаж повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». 17. Сочетание приемника с проигрывателем. 18. Ежегодный торг. 19. Сельскохозяйственная работа. 22. Русский живописец-передвижник. 24. Овсяная мука. 25. Свадебный головной убор невесты. 26. Навес. 27. Соцветие растения. 28. Порт в Японии. 30. Предмет, выставленный в музее для обозрения. 31. Французский баснописец.

По вертикали: 1. Опера Дж. Верди. 2. Оконная занавеска. 3. Безлесное пространство. 4. Стихотворение Н. А. Некрасова. 5. Рыба семейства лососевых. 6. Плодовое дерево. 9. Областной центр в РСФСР. 10. Громкоговоритель. 14. Штат США. 15. Стихотворный размер. 20. Актриса МХАТа. 21. Ряды полок. 22. Тропическая птица. 23. Узор с ритмическим расположением элементов. 27. Состязания в беге. 29. Сорт яблок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали: 5. Новосибирск. 7. Тумба. 9. Кабарга. 10. Эскадра. 11. Тропа. 14. Ленский. 16. Кантата. 19. «Бесприданница». 22. Арабика. 24. Квартал. 26. Орлан. 28. Архимед. 29. Линотип. 30. Исеть. 31. Ботанизирка.

По вертикали: 1. «Товарищи». 2. Почтамт. 3. Микаэла. 4. Эстакада. 6. Латунь. 8. Привал. 12. Регистр. 13. Пыжатка. 14. Линза. 15. Клещи. 17. Ницца. 18. Атолл. 20. Гафури. 21. Италия. 23. Крамской. 25. Волнушка. 26. Ординар. 27. Нальчик.

На последней странице обложки: У подножия Эльбруса.

Фото Н. Козловского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

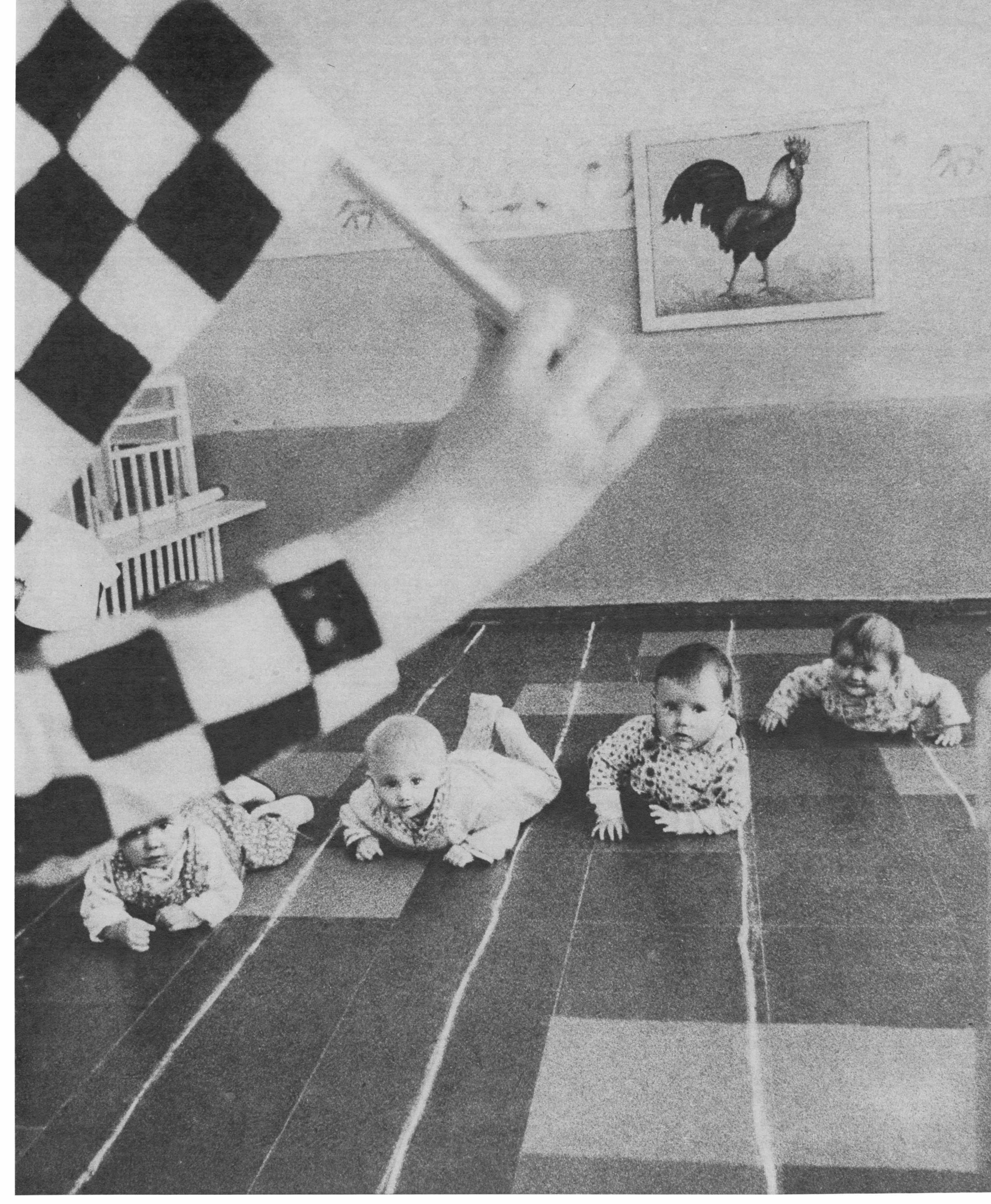
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 27/VII-71 г. А 00584. Подп. к печ. 10/VIII-71 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1335. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1633.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

С. Лидов. К финишу. (Из работ, экспонированных на V Всесоюзной выставке художественной фотографии «Физкультура и спорт в СССР».)

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.